



Дженнифер Хеймор
Герцогиня-охотница
Серия «Дом Трентов», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17041426
Д. Хеймор. Герцогиня-охотница: АСТ; Москва; 2016
ISBN 978-5-17-084635-1

Аннотация

Саймона Хокинза, герцога Трента, по праву считали самым завидным женихом Англии, однако, на горе прославленным красавицам высшего света, в нем по-прежнему жила любовь к прелестной горничной Саре, первой любви Саймона... любви, от которой он постыдно сбежал.

Но обстоятельства вновь приводят герцога в фамильное имение после многолетнего отсутствия, и его ожидает новая встреча с Сарой, которая стала еще прекраснее и все так же верно любит его. Чувства, однажды похороненные, вспыхивают с новой силой, но что может герцог Трент, заложник своего титула, предложить возлюбленной?

Содержание

Пролог	5
Глава 1	16
Глава 2	22
Глава 3	31
Глава 4	39
Глава 5	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Дженнифер Хеймор Герцогиня-охотница

Jennifer Haymore
The duchess hunt

© Jennifer Haymore, 2013

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

* * *

Пролог

Сара Осборн приехала в Айронвуд-Парк всего несколько дней назад, но уже успела полюбить это место. Через окошко маленького домика для прислуги, в котором Сара жила вместе с отцом, она слушала птичьи серенады, приветствующие ее каждое утро. К полудню, когда она выбегала в парк, солнце уже ярко сияло, согревая своим нежным теплом ее плечи через тонкую ткань платья. А по вечерам зажигали фонари, заливавшие золотистым светом фасад огромного и величественного дома, который был расположен на небольшом пологом холме и возвышался над всеми обширными владениями герцога Трента, подобно королю, сидящему на троне перед своими подданными.

Сквозь изящно изогнутые белые ветви берез, растущих возле домика, Сара часто разглядывала этот большой особняк. Она любила смотреть на него днем, прильнув к сверкающим на солнце оконным стеклам, и особенно вечером, перед тем, как отец укладывал ее спать. Дом стоял в отдалении мрачный и массивный. Ей казалось, что это добрый великан, который охраняет ее, и она чувствовала себя в безопасности. Сара мечтала когда-нибудь не только приблизиться к нему, но и пройти через ряд высоких элегантных колонн и даже войти внутрь.

Однако в данный момент все ее мысли занимала прекрасная бабочка с черно-белыми пятнышками на крыльях, порхающая с одного листа на другой над живой изгородью вдоль внешней границы сада. Подбрав юбку, Сара бросилась в погоню за бабочкой по дорожке через металлические кованые ворота.

Наконец бабочка замерла неподвижно, приземлившись на тонкой ветке. Девочка стала медленно и осторожно приближаться к ней, вытянув вперед руки. И когда ее палец коснулся тонкого и нежного крылышка, Сара восторженно вздохнула. Ей показалось, что бабочка тоже внимательно посмотрела на нее и даже кивнула, а затем, мягко взмахнув крыльями, упорхнула с куста.

– Ох! – удивленно воскликнула Сара, только сейчас заметив, что это был не просто куст, а заросли ежевики.

Прошлым летом, когда мама заболела, девочка собирала ежевику почти каждый день. Чай из корня этого кустарника смягчал мамин кашель. И еще Саре очень нравился вкус этих бугристых ягод.

Вообще-то сезон для сбора ежевики еще не наступил, но среди множества зеленых ягод, покрывавших куст, Сара смогла найти небольшую горстку достаточно спелых, чтобы их можно было съесть. Отправив в рот разом все ягоды, Сара почувствовала их сладкий вкус с легкой кислинкой.

Оглянувшись, девочка обнаружила, что заросли ежевики беспорядочными волнами покрывали всю землю вокруг. Дабы убедиться, что не заблудилась, Сара попыталась определить направление, откуда пришла. И почти сразу увидела свод крыши большого дома. Он виднелся сквозь ветви вязов как путеводный маяк.

Покончив с первой горстью, Сара вновь принялась за поиски ягод. Она находила их в густых зарослях и ела, ела до тех пор, пока ее живот не был полон, а легкие царапины от шипов и темный ягодный сок не покрыли все руки. Печально посмотрев вниз, она поняла, что платье тоже все в пятнах от ягод. Если папа это увидит, то рассердится на нее. Надо будет успеть все отмыть до его прихода.

Непослушные волосы выбились из косы и темными неопрятными прядями спадали на лицо. Сара подула вверх, пытаясь убрать их с глаз, но это не помогло. Тогда она просто взяла и грязными руками заправила их за уши.

И тут она снова увидела бабочку!

По крайней мере, это было похоже на бабочку. Такая же пятнистая расцветка, напоминающая воробьиное яйцо. Только это была птица, красивая и большая. Она села на ветку в глубине ежевичных зарослей.

Сара осторожно, на цыпочках начала подкрадываться к ней.

– Не улетай! – бормотала она тихонько. – Не бойся!

Она уже наклонилась и протянула руку, чтобы схватить птичку за тонкие смешные ножки... Еще чуть-чуть... И вдруг – хрясь! – сухая ветка с громким треском сломалась под ее ногой. Потеряв равновесие, Сара замахала в воздухе руками. Но все было тщетно. С шумом она полетела головой прямо в колючий ежевичный куст. Платье, зацепившись за ветки, начало душить ее. Острые шипы впились в кожу. Цепляясь руками за колючие ветки, с большим трудом Сара смогла подняться на колени. Задышавшись от ужасной боли и не открывая глаз, она кое-как освободила одну руку и начала осторожно выдергивать шипы из другой.

Кровь хлынула горячим потоком по ее рукам. Каждый вдох превращался в болезненный стон. Колени болели ужасно. Она попыталась встать на ноги, но для этого надо было за что-то ухватиться, а вокруг были только колючие шипастые ветки.

– Могу я вам помочь, мисс?

Она попыталась обернуться в направлении голоса, но из-за резкого движения острый шип оставил еще одну полоску на ее щеке. Вместо ответа Сара вскрикнула от боли.

Это был мужской голос. Добрый голос. Наконец, собравшись с силами, Сара пролепетала:

– Да, пожалуйста, сэр.

– Хорошо. Не шевелитесь.

Казалось, прошла целая вечность, пока он медленно и аккуратно отрезал небольшим кинжалом ветки, которые заплелись вокруг Сары. Придерживая девочку за талию, он осторожно извлек ее из куста. Наконец он поставил ее на ноги, и она смогла вздохнуть с облегчением и посмотреть на своего спасителя.

Это был юноша намного старше ее, с брызгами веснушек на носу и темно-каштановыми волосами до плеч. Его ярко-зеленые глаза смотрели с беспокойством.

– Вы в порядке? – спросил он.

Сара не привыкла общаться с мальчиками. Особенно с симпатичными мальчиками, которые носят бриджи и пальто из тонкой темной шерсти. С мальчиками, у которых такой глубокий, но уже ломающийся из-за неизбежного прихода зрелости голос.

Сара стояла словно в оцепенении, с широко раскрытыми глазами. Она смогла лишь кивнуть в ответ.

– У вас кровь.

Он достал из кармана платок, наклонился к ней и очень осторожно провел им по ее щеке. Там, где острый шип оставил свой след, когда Сара пыталась обернуться на его голос. Ее руки тоже были все в крови. Он попытался вытереть их своим платком. Затем он посмотрел на ее колени. Она заметила его взгляд и тоже посмотрела вниз.

– О нет! – прошептала она.

Через порванную до колен юбку она увидела свои ноги в разодранных чулках. Хуже того, запекшаяся кровь как будто приклеила платье к ее ногам. Папа будет в ярости.

Сара, должно быть, даже невольно вскрикнула, потому что юноша нахмурился и сочувственно спросил:

– Это, наверное, ужасно больно?

– Н-нет. – Сара, наконец, справилась с комком в горле.

Его губы растянулись в улыбке.

– А вы, похоже, очень смелая?

При этих словах ее страх улетучился, она гордо расправила плечи и, посмотрев прямо в его зеленые глаза, ответила:

– Да, я такая.

– Где вы живете? – спросил он.

Она показала на виднеющуюся крышу Айронвуд-Парка.

– Там.

– Ну надо же! Я тоже там живу. Вы можете идти?

– Да. Конечно.

Бок о бок они пошли по дорожке, ведущей к дому. Колени Сары ужасно болели, и она немного прихрамывала. Не говоря ни слова, юноша крепко обнял ее рукой за талию, чтобы помочь идти.

Так они прошли домик садовника, где Сара жила со своим отцом, и направились к задней стороне особняка. Они оба молчали. Сара шла, прикусив нижнюю губу, и краешком глаза наблюдала за своим спутником. Он был высокий и сильный. И ей нравилось, как блестели его волосы на солнце.

С каждым шагом громада особняка, приближаясь, становилась все больше и больше. Сару охватило волнение, ноги отказывались слушаться и становились словно деревянными. Она не знала, где сейчас был папа, но он точно рассердился бы, если б обнаружил, что она осмелилась так близко подойти к дому, в котором жила семья герцога. Отец всегда настаивал на том, чтобы Сара держалась отсюда подальше. Если, не дай бог, она будет мешать или докучать кому-то из родных герцога, его могут просто выгнать.

Когда они подошли уже совсем близко к особняку, юноша, кажется, заметил смущение Сары. Он окинул ее внимательным взглядом и поинтересовался:

– С вами точно все в порядке?

– М-м-м... – голос Сары вдруг превратился в тоненький писк.

Они остановились. Отстранившись, он продолжал внимательно наблюдать за ней, чтобы удостовериться, что она сможет твердо стоять без его помощи.

– Как вас зовут? – спросил он.

– Сара.

– А я Саймон.

Он оглянулся и внимательно посмотрел на особняк, который уже нависал над ними всей своей массой, такой огромной и тяжелой, что Сара едва могла дышать, а затем вновь обратился к ней:

– Давайте зайдем в дом. Там о вас позаботятся.

Сара неуверенно облизнула губы и пробормотала:

– Мой папа сказал, что я не должна туда ходить, чтобы не беспокоить членов семьи герцога.

– Вы никого не побеспокоите, – сказал он уверенно.

Сара смотрела на этого юношу снизу вверх и, сама не понимая почему, абсолютно ему верила. Если бы он сейчас сказал ей, что каждый день гуляет по Луне, она бы и тогда не усомнилась ни в одном его слове. И он продолжил:

– Из меня плохой доктор, поэтому я бы хотел, чтобы ваши раны осмотрела миссис Хоуп. У нее есть специальная мазь, от которой любые царапины заживают мигом.

Сара не имела представления, кто такая миссис Хоуп, но ее царапины все еще болели и чесались, а воспользоваться любезным приглашением Саймона и опробовать эту чудо-мазь было очень заманчиво. Она неуверенно кивнула.

Саймон осторожно взял ее за руку, стараясь не задеть порезы и царапины.

– Тогда пойдемте.

Они поднялись по лестнице и попали в огромный зал, посреди которого Сара робко остановилась, озираясь в изумлении. Это было самое большое помещение, которое она когда-либо видела в своей жизни. Открытое, холодное и огромное, почти без мебели, за исключением нескольких столов и скамеек, расположенных вдоль стен. Хотя выглядели они слишком изысканно и богато, чтобы их назвать просто скамейками. Это были большие мраморные плиты на металлических ножках, искусно выполненных в форме виноградной лозы. На столах стояли красивые вазы и бюсты каких-то людей, которые выглядели очень важными и серьезными. Почти весь зал был выдержан в светлых тонах. Гигантские камни, использованные в отделке стен, были сероватого оттенка, а штукатурка на потолке и стенах – чисто белого цвета. И на этом бледном фоне отчетливо выделялись черные элементы плиточного пола и металла скамеек, а также огромная позолоченная люстра, висящая в центре зала.

Сара подняла голову и зачарованно глядела мимо люстры на украшенный искусной резьбой потолок, который казался высоким, как небо.

Саймон остановился рядом с ней и тоже посмотрел вверх. Сара украдкой бросила взгляд на него и обнаружила на лице юноши такие же эмоции. Слово он тоже видел этот зал впервые.

Сара крепче взяла его за руку.

– Все хорошо? – Ее шепот отразился гулким эхом в пустом пространстве.

Саймон как будто очнулся и стряхнул с себя недавние мысли и эмоции.

– Конечно! – улыбнулся он и потянул ее за собой. – Это каменный зал. Обычно мы не проводим здесь много времени. Следуйте за мной.

Саре показалось, что прошла целая вечность, пока они пересекли этот огромный зал и добрались до одной из двух дверей, рядом с которой располагалась великолепная отлитая из металла скульптура обнаженного бородатого мужчины с двумя обнаженными мальчиками. Огромная змея обвивала их тела. На лицах отражалось страдание, как будто змея пыталась раздавить этих людей.

Саймон остановился у самой двери, наблюдая, как Сара, открыв рот от изумления, рассматривает скульптуру.

– Вы слышали легенду о Лаокооне?

Она отрицательно покачала головой, не в силах вымолвить ни слова. Сара никогда не слышала о Лаокооне. И не видела голого мужчину и даже голых мальчиков. И ничего столь зловещего прежде она тоже не видела.

– А о Троянской войне вам известно что-нибудь?

Саймон подождал, пока Сара вновь не покачала головой.

– В общем, это была война между троянцами и греками. Лаокоон был сыном троянского короля. Когда греки попытались обмануть троянцев, принесли им в подарок гигантского деревянного коня, Лаокоон не поверил им. Он пытался предупредить всех, заявляя: «Бойтесь данайцев, дары приносящих». Но боги встали на сторону греков. И Лаокоон своим предупреждением сильно разозлил их. И вот тогда бог морей Посейдон...

– Ой, а про него я слышала! – воскликнула Сара, уловив знакомое имя. Мама когда-то рассказывала ей сказки перед сном о Посейдоне и других богах.

– Так вот, этот самый Посейдон послал из моря огромную змею, чтобы та убила Лаокоона и двух его сыновей. Вот что изображает эта скульптура.

Сара всматривалась в статую. Она уже видела смерть. Недавно. И выглядело это ужасно. Зачем же ставить скульптуры, которые будут ежедневно напоминать о смерти?

Саймон отвернулся от нее, чтобы еще раз взглянуть на статую.

– Мне она тоже не нравится, – сказал он тихо.

Еще минуту они оба хмуро смотрели на ужасное изваяние. Затем Саймон открыл дверь и повел Сару в другую комнату, которая уступала каменному залу в размерах, но была не менее великолепна. В отличие от гулкой пустоты зала эта комната была наполнена теплотой, красками и весельем. Детские игрушки были разбросаны по большому ковру ручной работы, выполненному в красных, золотых и коричневых тонах. Яркий огонь бодро потрескивал в огромном камине.

Комната оказалась наполнена людьми, и Сара остановилась на пороге как вкопанная. Ее сердце бешено забилося, когда взоры всех присутствующих обратились к ним с Саймоном.

«О нет!» – подумала она в ужасе. Кроме женщины, сидевшей в центре и державшей на коленях малыша, в комнате было полно детей. Самый младший из них был примерно одного возраста с Сарой, а самый старший выглядел взрослее Саймона. И все они – мальчишки!

Видимо, это были члены семьи герцога. Ну уж точно не слуги! Потому что слуги не могут носить сюртуки из атласа и тонкой шерсти, в которые были облачены эти мальчишки. Слуги не играют в комнатах с шелковыми гобеленами и персидскими коврами. И игрушки слуг явно не вырезаны из слоновой кости и не украшены позолотой.

Папу бы это очень разозлило. У Сары скрутило живот. Саймон привел ее именно в то место, в котором отец строго запрещал ей появляться. Она совсем не хотела расстраивать папу. С тех пор как ушла мама, он стал для нее всем.

Сара попыталась высвободить свою руку, но Саймон сжимал ее крепко, удерживая возле себя.

У женщины, сидевшей в центре комнаты, волосы были цвета красного дерева, искусно закрученные в пучок на затылке. Но несколько локонов выбились из прически и струились свободно рядом с ее лицом. Платье из прекрасного синего атласа подчеркивало ее объемную грудь и тонкую талию. Румяный малыш имел более темные, чем у его – или ее, Сара не была уверена – мамы, волосы, которые были аккуратно расчесаны.

Сара потупила взор. Несомненно, она стояла перед герцогиней Трент, хозяйкой дома. И хотя сейчас множество детей окружали эту женщину, а одного из них она даже держала на коленях, это была не няня. Нет.

Когда-то Сара мечтала, что в один прекрасный день она встретится с герцогиней. И вот этот день настал. Сара понимала, что выглядит сейчас ужасно, вся в крови и в грязи, в драных чулках и разорванном платье, однако вопреки всему предательские пальцы так и тянулись коснуться этой прекрасной женщины, погладить синий атлас ее платья, прижаться к ней.

Если бы было возможно умереть от стыда, Сара упала бы замертво прямо здесь и сейчас.

Герцогиня посмотрела на девочку, которая одной рукой держалась за Саймона, – когда Сара поняла, кто перед ней, то вцепилась в него сильнее прежнего, – и улыбнулась.

– Саймон, милый, что за существо ты привел к нам на этот раз? Это лесная нимфа?

У Сары от удивления брови поползли на лоб. Милый?!

Саймон пожал плечами. Казалось, он был немного раздосадован.

– Не уверен, – ответил он. – Я нашел ее в колючих кустах ежевики у ручья.

– Подойди ближе, дитя.

Взяв малыша на руки, герцогиня встала и сама приблизилась к ним.

Как странно, что такая прекрасная высокородная леди сама носит ребенка на руках. Должны же быть для этого специальные слуги или няни из простолюдинов, таких, как сама Сара?

Саймон шагнул навстречу герцогине, таща Сару за собой.

– Как зовут тебя? Откуда ты?

Сара открыла рот, но не успела произнести ни слова.

– Она сказала, что ее зовут Сара и что она живет здесь, – опередил ее Саймон.

– Это так? – спросила герцогиня, приподняв темную бровь.

– Вниз, мама! – малыш на руках женщины начал капризничать. – Вниз-вниз-вниз!

Герцогиня вздохнула и поставила ребенка на пол, при этом не отрывая взгляда от девочки. Малыш какое-то время с любопытством смотрел на Сару, а потом отвернулся и побежал к группе мальчиков. Но Сара не видела, что происходит на другом конце комнаты, – она смотрела на герцогиню.

– Я что-то не припомню, чтобы в Айронвуд-Парке жила хоть одна маленькая девочка, – задумчиво произнесла герцогиня. – А ты, Саймон?

– Нет, мэм. Но меня не было дома какое-то время. Возможно, она приехала только этим летом?

– Вроде бы нет. Хотя, возможно... – Карие глаза герцогини вспыхнули: – Новый садовник! Его нанимал Фредерикс без моего участия. Держу пари, она приехала с ним!

Саймон посмотрел на Сару:

– Так вы дочь садовника?

Прикусив губу и глядя вниз на свои грязные ноги на красивом ковре, Сара думала о том, какую ужасную ошибку совершила. Она должна была остановить Саймона, когда они проходили мимо домика отца. Она не имела права заходить в покои самого герцога. О боже, о чем она вообще думала?!

– Да, – прошептала Сара.

Сильные пальцы взяли ее за подбородок, подняв его так, чтобы она смотрела прямо в суровое лицо герцогини. У Сары в глазах появились слезы. Для нее это был единственный шанс.

– Пожалуйста, – прошептала она. Из сдавленного рта вырывались какие-то квакающие звуки. – Прошу вас, не выгоняйте моего папу!

Глаза женщины сузились, и сердце Сары упало. Упало так низко, что она могла чувствовать его биение в пальцах ног.

– Твой папа сделал что-то плохое?

Сара чувствовала огромное напряжение.

– Нет. Ничего такого.

– Тогда почему я должна выгонять его?

Сара бросила быстрый взгляд на Саймона, моля о помощи.

– Мама, – сказал он тихо, – ты пугаешь ее.

Герцогиня отпустила подбородок Сары, оставив ее стоять с пылающими щеками. Мама?! Значит, Саймон тоже был из семьи герцога! О, Сара просто круглая дура!

– Я привел ее сюда потому, что она нуждается в медицинской помощи. – В голосе Саймона чувствовалась легкая раздраженность. – Где миссис Хоуп?

– Не имею понятия, – ответила герцогиня, отвернувшись к группе мальчиков. – Марк, любовь моя, ты можешь найти миссис Хоуп? Скажи ей, чтобы захватила мазь, которой она лечит вас, сорванцы, когда вы царапаетесь. Сэм, беги и найди нового садовника. Скажи ему, что его дочь пострадала, но раны не очень серьезные. Приведи его сюда, если он захочет.

Сара вздрогнула. Отец никогда не бил ее раньше. Но сейчас Сара понимала, что провинилась очень серьезно и заслуживает порки. Оставалось только надеяться, что отец подождет с наказанием до тех пор, пока они не останутся наедине. Нет ничего более позорного, чем быть выпоротой на глазах у Саймона!

– Я могу пойти с Сэмом, мама?

– Да, Люк. Но не отставай от него и потом сразу домой. Понял?

– Да, мэм.

– Я тоже! – сказал самый маленький из мальчиков. – Мама, я тоже хочу пойти с Сэмом!
– Хорошо, Тео, только смотри, будь все время с братьями.

Как только дверь комнаты бесшумно закрылась за убежавшими четверьмя мальчиками, малыш, который до этого сидел на руках, вернулся к матери. Наблюдая за ребенком, Сара решила, что это все-таки девочка, хотя по одежде определить было невозможно. Взяв малышку за пухлую маленькую ручку, герцогиня опять повернулась к Саре:

– Не бойся, дитя. Ты не сделала ничего дурного. – Тень улыбки коснулась ее губ. – Как я поняла, ты попала в этот куст случайно. Не сама же ты в него прыгнула?

Медленно, как будто двигаясь в густом сиропе, Сара повернулась к Саймону.

– Герцог? – прошептала она.

Не глядя на нее, Саймон просто пожал плечами. Сердце Сары начало вновь бешено колотиться.

– Я так понимаю, он не представился должным образом? – Герцогиня повернулась к сыну. – Действительно, дорогой, ты по-прежнему продолжаешь игнорировать тот факт, что теперь ты герцог? А ведь прошло уже почти три года.

– Просто мы не были представлены друг другу по всем правилам этикета, – сухо ответил он. – Всякий раз, когда меня так официально представляют, я сразу вспоминаю о своем титуле.

Герцогиня внимательно посмотрела на сына, затем, улыбнувшись, сказала:

– Разумеется, это не так. – Она протянула свободную руку Саре. – А теперь, дитя, иди сюда и присядь. Твоя нога все еще кровоточит. Тебе наверняка больно стоять.

Сара только окинула взглядом идеально чистый диван, на который ей жестом указала герцогиня, и отрицательно покачала головой. Он был так прекрасен! Ярко-пурпурный шелк, блестящий в солнечных лучах.

– О нет, мэм. Я не могу. Я слишком грязная.

– Если бы я боялась грязи и крови, то никогда не решилась бы на более чем одного ребенка. А я воспитываю шестерых. Уверяю тебя, ты не настолько грязна, чтобы не могла сидеть на моем диване.

Саймон ободряюще посмотрел на нее.

– Я тоже думаю, что вам следует присесть.

Сара позволила герцогине взять себя за руку и проводить к дивану. Саймон помог ей устроиться на гладком шелке обивки, прежде чем сесть рядом. Герцогиня присела в элегантное кресло напротив, в то время как ее малыш направился в угол комнаты, привлеченный грудой блестящих игрушек.

Сара внимательно следила за герцогиней. Та выглядела точно сказочная ледяная королева, царственно восседающая на своем троне. Так казалось до тех пор, пока женщина не улыбнулась такой же теплой и доброй, как у ее сына, улыбкой и не сказала:

– Может быть, ты хочешь чаю, Сара? Я сейчас распоряжусь.

– Хм... – Она взглянула на Саймона в поисках поддержки.

В ответ он слегка кивнул и едва заметно подмигнул ей. Сара мучительно пыталась понять, что значат все эти заговорщицкие жесты, но, так и не расшифровав их, молча повернулась к его матери.

– Или немного теплого молока?

Предложение звучало так мило, что Сара не смогла сдержать улыбку.

– Да, я думаю, это то, что нужно, – кивнула герцогиня и позвонила в колокольчик.

Вошла изысканно одетая горничная, которая, приняв от герцогини заказ для кухни, лишь скользнула пренебрежительным взглядом по девочке и быстро, без комментариев, удалась выполнять распоряжение. Когда дверь за спиной горничной закрылась, герцог и его мать вопросительно посмотрели на Сару. И она вдруг осознала всю абсурдность ситуации.

Маленькая девочка, в разорванной одежде и вся в крови, сидела развалившись в гостиной герцога. Ее ноги болтались, не доставая до пола, а руки размазывали кровь и грязь по тонкому шелку. Ей только что был предложен чай, и теперь герцог и герцогиня смотрели на нее, будто ожидая начала какого-то важного разговора.

Испытывая чувство, близкое к отчаянию, Сара продолжала пристально смотреть на дверь, словно ожидая спасения.

– А она мила, не так ли, Саймон? И к тому же, я думаю, очень симпатичная под этим слоем грязи. Это, пожалуй, лучшее, что произошло с нами за весь день. – Герцогиня на секунду задумалась и добавила: – Ну конечно, не считая этих ужасных царапин.

Наконец, дверь отворилась, и в комнату суетливо вошла пожилая женщина с пушистыми белыми волосами. Саймон поднялся на ноги и сказал:

– Миссис Хоуп, спасибо, что пришли так быстро.

Женщина сделала реверанс и ответила почтительно:

– К услугам вашей светлости.

Конечно же, Саре также следовало присесть в реверансе и обращаться к герцогу и герцогине «ваша светлость», но теперь было уже слишком поздно. По крайней мере надо было встать с дивана, но пожилая дама уже спешила к ней, размахивая бутылочкой, и Сара только вжалась спиной в подушки.

– А теперь, детка, давай взглянем на твои раны, – сказала миссис Хоуп, присев перед диваном. Сначала она внимательно осмотрела каждую руку Сары, а затем нежными руками стащила с нее чулки. Взглянув на колени девочки в ужасных царапинах, миссис Хоуп командовала: – Так, Бинни, передай мне полотенце. Начнем с коленей. Их нужно промыть в первую очередь.

Сара только сейчас заметила молодую темноволосую горничную, которая вошла следом за миссис Хоуп. Она стояла вытянувшись, как солдат на плацу, и держала таз с водой и несколько белых полотенец, одно из которых тут же подала миссис Хоуп. Та принялась промывать раны на колене девочки, бормоча при этом, как ужасно они выглядят. Но на самом деле царапины уже почти не беспокоили Сару, и после того, как колено было промыто и смазано чудо-мазью, она почувствовала себя прекрасно. В тот момент, когда платье девочки оказалось задрано выше колен, миссис Хоуп взглянула на Саймона и сказала, чуть улыбнувшись:

– Ваша светлость, если бы она была постарше, я была бы вынуждена попросить вас покинуть комнату.

Лицо Саймона осталось спокойным, и он твердо ответил:

– Это я нашел ее, привел сюда и несу за нее ответственность. Поэтому я останусь до тех пор, пока не буду уверен, что с ней все в полном порядке.

Сара подарила ему застенчивую улыбку. Она и подумать не могла, что сам герцог может быть так добр к ней. Ну и герцогиня тоже.

С тех самых пор, как они приехали в Айронвуд-Парк и поселились рядом с этим огромным домом, отец строго запретил дочери даже приближаться к кому-либо из семьи герцога. Из-за этого Сара представляла себе герцога Трента и всех его домочадцев, как холодных и недобрых аристократов, которые просто смахнут ее в сторону, как надоедливую муху. Если, конечно, вообще заметят, соизволив опустить свои задранные носы. А в действительности все оказалось совсем не так! Под большими остроконечными крышами и за мрамором, шелком и позолотой Сара вдруг увидела добрых и отзывчивых людей. Обычных, таких же, как все.

Вернулся один из мальчиков – Марк, вспомнила его имя Сара, неся в руках большую дымящуюся чашку. Герцогиня взяла ее у сына, подула немного и передала девочке. Сара отпила немного. Напиток был сладкий, теплый и успокаивающий. Она замерла, не двигаясь,

как статуя Лаокоона, пока миссис Хоуп обрабатывала ее царапины мазью, пахнувшей каким-то деревом. Если уж Лаокоон мог оставаться неподвижным, когда его душила огромная змея, то и Сара сможет вытерпеть и не показать виду, хотя от мази раны начали ужасно гореть. И если Саймон считал ее смелой, то она такой и будет.

В этот момент отворилась дверь, и вошел еще один слуга в сопровождении ее отца. Увидев Сару, отец с трудом взял себя в руки, чтобы не броситься к дочери, и, остановившись, неловко стянул с головы широкополую шляпу садовника. Следом в дверь ввалилась компания мальчиков.

– Ваша светлость, – отец низко поклонился герцогу и герцогине, – пожалуйста, простите меня. Моя дочь...

– А-а, вы, должно быть, мистер Осборн? – Герцогиня поднялась из кресла ему навстречу. – Добро пожаловать в Айронвуд-Парк! Я надеюсь, наш парк пришелся вам по душе.

Садовник сделал суровое лицо и красноречиво взглянул на дочь. Но несмотря на этот взгляд, Сара не смогла в тот же миг подойти к нему, так как миссис Хоуп все еще удерживала ее ногу, накладывая мазь.

– Айронвуд-Парк – потрясающее место, ваша светлость, – ответил отец герцогине. – И для меня большая честь работать здесь. Ваш парк выглядит просто как произведение искусства. И я сделаю все от меня зависящее, чтобы сохранить его величие.

У Сары подступил комок к горлу. Она понимала, почему отец говорит так. Он пытается показать герцогине, что, несмотря на своенравное поведение дочери, он полон энтузиазма и будет отлично справляться со своими обязанностями. Он пытался сохранить свое место. И она виновата в том, что отцу сейчас приходилось делать это.

– Это звучит довольно мило. Вы прощены, – ответила герцогиня. Затем, сделав рукой жест по направлению к дверям, она продолжила, обращаясь к своим сыновьям: – Мальчики, вы можете играть на улице до ужина. Следите друг за другом. И постарайтесь сегодня не испортить свою одежду.

– Да, мама, – четверо мальчиков тут же выбежали из комнаты.

Но Саймон остался около матери. Он стоял молча, расправив плечи и сцепив руки за спиной. Его зеленые глаза были серьезны, а на лице застыла маска вежливости.

Улыбаясь, герцогиня вновь обратилась к садовнику:

– Сегодня сам герцог спас вашу дочь, вызволив из колючих кустов. – Ее темные брови приподнялись, образовав две идеальных дуги. – Почему-то никто не сообщил мне, что вас наняли и что вы уже приступили к своим обязанностям. И о том, что вы прибыли сюда с семьей. Это вина Фредерикса. Я уже не раз говорила ему, что он должен докладывать мне лично обо всех, кого приглашает для работы в Айронвуд-Парк.

– Ваша светлость, мы приехали сюда только вдвоем, Сара и я, – отец сказал, склонив голову. – Моя жена... Она умерла в прошлом году. – Отец по-прежнему не мог оставаться спокойным, когда говорил о маме. – Я обещал мистеру Фредериксу, что прослежу за тем, чтобы моя дочь не доставила никаких неудобств вам и вашей семье.

– Ну что вы! – воскликнула герцогиня, всплеснув руками. – Чем больше детей будет радостно резвиться в этом холодном и пустынном месте, тем более теплым и дружелюбным оно станет. И ваша дочь, несмотря на то что выглядит сейчас как маленькая разбойница, просто прелестна. К тому же, я думаю, в этом доме слишком много мужчин, и еще одна женщина не помешает.

Саймон повернулся к матери и воскликнул:

– Мама, но у нас же есть Эзме!

Герцогиня рассмеялась.

– Да, конечно! Я просто иногда забываю, что мой младший ребенок женского пола. Бедная девочка! Имея пять старших братьев, вместо того чтобы стать настоящей юной леди, она, скорее всего, превратится в хулиганку, такую же, как они.

Отец посмотрел на малютку, потом снова на ее мать, совершенно не понимая, как должно отреагировать.

– Теперь, – сказала герцогиня, – вернемся к проблемам вашей дочери. Как я уже говорила, ваша девочка «попала в плен» к некоему «шипастому разбойнику». Однако экономка заверила меня, что повреждения у Сары незначительные. Я рада вам сообщить, что царапины неглубокие и благодаря чудесной мази миссис Хоуп, скорее всего, никаких шрамов на ее коленях не останется.

Садовник коротко кивнул, затем откашлялся, прочищая горло, и сказал:

– Моя дочь очень любознательная и имеет склонность совать свой нос даже в те места, куда я запретил ей заходить. Но уверяю вас, этого больше не повторится. С этого момента она будет сидеть взаперти в нашем домике.

В его голосе звучала такая непреклонная уверенность в том, что он сможет впредь держать дочь в «ежовых рукавицах», что девочка, услышав это, внутренне съежилась.

– О, но, мистер Осборн, это же так естественно для детей – проявлять любопытство, исследовать окрестности, открывать для себя что-то новое. Особенно на новом месте. Я всегда поощряла в своих детях любознательность и жажду к исследованиям.

Садовник уже открыл было рот, чтобы возразить, но вовремя сдержался и склонил голову, прижимая свою шляпу к груди. И лишь после этого он ответил покорно:

– Конечно, мэм. Но тем не менее я считаю, что моя дочь не должна разгуливать по всему парку, как будто она здесь хозяйка. И она будет воздерживаться от этого впредь.

Выражение лица герцогини смягчилось.

– Вы действительно рассчитываете, что ребенок ее возраста и нрава будет целыми днями сидеть в вашем крошечном домике, пока вы работаете в парке? Нет, мистер Осборн. Ни одного ребенка так удержать нельзя.

Отец вновь взглянул на Сару, но на этот раз промолчал. Было ясно, что он хотел бы поскорее покинуть этот красивый дом и вернуться к уходу за своими любимыми кустами и деревьями.

Герцогиня перевела взгляд с Сары на садовника, и в ее карих глазах появился странный блеск.

– Скажите, а Сара умеет писать?

От столь неожиданной смены темы отец даже вздрогнул. Затем немного распрямылся и ответил:

– Да, мэм. Ее мать была хорошо образована. Она работала учительницей в благотворительной приходской школе, до того как мы поженились. Она научила нашу девочку читать и писать.

Герцогиня прижала свои руки с длинными ухоженными ногтями к груди.

– Ах! Я почему-то примерно так и думала... – Она задумчиво повернулась к Саре, которая в это время протянула руку к миссис Хоуп, чтобы та обработала мазью ее предплечье. – Хотела бы ты продолжить свое обучение, дорогая?

Не зная, что сказать, Сара взглянула на отца. Конечно, ей хотелось ответить «Да!». Ей так нравилось узнавать что-то новое. Обо всем на свете. Особенно сейчас ей хотелось узнать о Троянской войне, о которой Саймон упоминал ранее. Если бы мама была жива, Сара сразу побежала бы к ней и попросила рассказать эту историю.

Но какой ответ от нее хотел бы сейчас услышать отца? Герцогиня проследила за ее взглядом.

– Я вижу, что сама она не может решиться и ждет поддержки от вас, мистер Осборн.
Ей нравилось учиться у матери?

– Да, – неохотно признался садовник, – очень нравилось.

– Отлично! – воскликнула герцогиня. – Тогда все решено!

Все, включая Саймона, непонимающе уставились на нее.

– Что решено, мама? – спросил он.

– С завтрашнего дня мисс Сара Осборн присоединяется к твоим братьям и тоже будет учиться у мисс Фарншоу.

В ответ наступила тишина. Сара видела, как у отца от изумления медленно открылся рот.

И вот таким чудесным образом дочка садовника получила возможность учиться вместе с детьми из семьи герцога.

Глава 1

Прошло шестнадцать лет

– Добро пожаловать домой, ваша светлость.

Саймон посмотрел сверху вниз на конюха, который принял у него поводья.

– Благодарю тебя, Таннер. Мои братья приехали?

– Да, сэр. Все, кроме лорда Лукаса.

Саймон спешил и выслушал этот ответ, сжав зубы. Впрочем, этого следовало ожидать. Нет ничего удивительного в том, что Люк проигнорировал его. Вот проклятье! Саймон послал записку в резиденцию брата в Лондоне, даже не зная, там ли он сейчас. Он запросто мог в это время кутить в каком-нибудь публичном доме или на одной из своих бесконечных попок. Вполне возможно, что письмо Саймона так и не попало в руки брата.

Таннер повел взмыленное животное в сторону конюшни, а Саймон подошел к огромной колонне возле парадных дверей особняка. Он не приезжал в отчий дом почти три года, но Айронвуд-Парк совсем не изменился. Саймон и не ожидал каких-то перемен. Айронвуд-Парк не менялся никогда.

И миссис Хоуп тоже не изменилась. Она стояла на лестнице, чтобы поприветствовать его, и ее лицо светилось от удовольствия. Она выглядела как всегда: бледная кожа, розовые щеки и седые волосы, уложенные высоко на голове.

Саймон почувствовал спокойствие и умиротворенность. Так было всегда. Не сам Айронвуд-Парк, а именно люди, населяющие его, всегда вселяли в него это чувство. Чувство, что он наконец-то дома.

– Ваша светлость, – сказала миссис Хоуп с теплотой, – добро пожаловать домой!

Но закончив приветствие, она вновь нахмурилась. Саймон все понимал. Он тоже сожалел, что его возвращение домой было обусловлено такими ужасными обстоятельствами.

Саймон действительно был очень занят все последнее время, и единственное, что смогло заставить его приехать домой, это чрезвычайная ситуация.

Он сжал мягкие руки миссис Хоуп в своих и сказал:

– Спасибо вам!

И тут за спиной экономки появилась Эме. Она была одета в какое-то унылое платье, темное, как ее волосы. Саймон повернулся, чтобы поприветствовать ее.

– Эме! Ты хорошо выглядишь.

И он не соврал. Саймон вдруг осознал, что не видел сестру почти год, этот факт неприятно поразил его. С тех пор она немного выросла и стала еще более женственной.

– Спасибо, – пробормотала она, потупившись. – Ты тоже.

– Проходите, ваша светлость, – привычно начала распорядиться миссис Хоуп. – Не хотите ли переодеться перед тем, как увидите с братьями? Они запланировали встречу в гостиной перед ужином. Ужин будет подан в... – Она взглянула на часы. – Примерно через час.

Сумерки только начали окутывать дом, словно мягким одеялом – ужин в Айронвуд-Парке всегда подавали раньше, чем в Лондоне.

– Отлично, – сказал Саймон и, повернувшись к сестре, добавил: – Я хотел бы видеть в гостиной и тебя. Я буду через несколько минут.

Эме подняла голову, и он увидел влажный блеск в глазах сестры. Саймон чувствовал, как она напряжена, и, поддавшись внезапному порыву, положил руку ей на плечо. Он хотел хоть как-то утешить ее. Но Эме не привыкла к прикосновениям брата, и сейчас, как показалось Саймону, ей было неприятно. Он убрал руку и тихо сказал:

– Не волнуйся. Мы найдем ее.

Эзме молча кивнула и отвернулась, быстро моргая, чтобы удержать слезы.

В этот момент в сводчатом проходе, ведущем к парадной лестнице, появился Фредерикс. После того как Саймон обменялся приветствиями со стюардом, миссис Хоуп проводила герцога вверх по лестнице в гардеробную. Там его уже ждал таз с горячей водой и стопка свежей отглаженной одежды.

Он умылся и побрился. После Лондона и бесконечной болтовни Бартона тишина, царившая вокруг, просто оглушала его.

В связи с тем, что выехать пришлось срочно, Саймон оставил своего камердинера в Лондоне. Вероятно, тот сейчас, пользуясь отсутствием герцога, был погружен в радостные хлопоты, заказывая для него новый гардероб.

Саймон, уже одетый в панталоны, полосатый жилет винного цвета на пуговицах и темный фрак, перед тем как причесаться, долго рассматривал мрачное лицо, смотрящее на него из зеркала. Гусиные лапки в уголках глаз говорили о его усталости. Буквально вчера он ездил из Лондона на закрытое заседание парламента. Меняя по пути лошадей и ни разу не остановившись, чтобы поспать. Обычный блеск его зеленых глаз потускнел, они потемнели, словно подернулись пеленой. Саймон сделал медленный и глубокий вдох.

Настало время встретиться с братьями и сестрой и изложить им свой план. Жаль, что он не сможет сделать все сам.

Покинув гардеробную, Саймон медленно, задумавшись, спустился вниз по лестнице. Подойдя к дверям гостиной, он уже не колебался, решительно шагнул внутрь и закрыл их за собой. Осмотрев комнату, он убедился, что присутствуют все, кроме Люка.

В дальнем конце помещения, оперевшись на подоконник огромного прямоугольного застекленного окна, стоял Самсон, старший сводный брат Саймона. Мать родила Сэма вне брака за год до того, как вышла замуж за герцога Трента. Одним из условий ее согласия на брак с герцогом было разрешение оставить Сэма с ней и растить его вместе с их будущими детьми.

По неизвестным Саймону причинам отец согласился и даже дал Самсону свою фамилию – Хокинз. Отец никогда не нарушал данного обещания, но все же не смог относиться к Сэму как к сыну.

Сэм задумчиво смотрел в окно, но обернулся, когда вошел Саймон. За последние пять лет он впервые был дома, но, несмотря на постоянную занятость на королевской службе, иногда виделся с Саймоном в Лондоне. Сэм всегда был очень серьезным. Но армейская служба еще больше ожесточила его, наложив на лицо отпечаток холодной отчужденности. И это выражение теперь ни на миг не покидало Сэма. Саймон знал, что брат за свою жизнь повидал и пережил очень многое.

Младшие братья Саймона Теодор и Маркус сидели бок о бок на диванчике, обитом шелком сливового цвета, и их светлые с песочными волосами головы были так похожи, что люди всегда принимали их за двойняшек. Но они имели совершенно разный характер. Тео был тихий и прилежный, как Эзме. А Марк, пожалуй, единственный человек в семье, ко всему относился легкомысленно и мог свести к шутке любой разговор. Но сегодня и его лицо было угрюмым и сосредоточенным. Его обычная жизнерадостность отступила перед серьезностью ситуации.

Саймон повернулся к столу, стоящему в центре комнаты, где Эзме разливала чай, и его взгляд, наконец, остановился на Саре Осборн, которая стояла рядом с сестрой и помогала ей.

Его измученное тело словно ожило, когда он увидел ее. Страсть. Желание. Животный инстинкт. Все это мгновенно накрыло его горячей волной. Проклятье! Спустя все эти годы Сара стала еще прекраснее.

В свой прошлый приезд в Айронвуд-Парк он просто не мог сдержаться, находясь рядом с ней. Бог свидетель, он пытался!

Целовать ее, чувствовать ее тело под своими руками... Это продолжалось три года. Он надеялся, что сможет забыть ее. Но как?! Как забыть губы, которые слаще всего на свете? Как забыть изгиб ее бедер и мягкую, упругую грудь в его руках?

Он помнил, как когда-то воспользовался ее невинностью. Он знал, что добьется своего, потому что она работала в его доме, она зависела от него. Он не мог простить себя за то, что переступил черту, которую не должен был переступать никогда.

Сара обернулась, и широкая, открытая, полная радости улыбка озарила ее лицо. Затем, опомнившись, она почтительно опустила голову и присела в реверансе.

– Ваша светлость.

– Добрый вечер, Сара.

Саймон смотрел и не мог оторвать глаз от ее темных волос, от голубых глаз, обрамленных черными длинными ресницами, от ее хрупкой фигурки, стройной, как ива. Эти мгновения превратились в вечность. И только сделав над собой гигантское усилие, он смог снова вернуться в реальность и, повернувшись к братьям, сказал:

– Я рад, что все вы прибыли так быстро.

– А где Люк? – спросил Тео. – Ты ведь написал ему?

Саймон поблагодарил Сару, которая поставила перед ним чашку из китайского фарфора и блюдце, затем, шагнув вперед, ответил:

– Да, я написал ему. Но, как видите, реакции от него не последовало.

Все были поражены, и в комнате повисла тишина. Нарушил ее Сэм, подавший голос в защиту брата из дальнего конца комнаты:

– Возможно, он просто не получил твое письмо. Мы все знаем, как Люк относится к матери.

– Может, и не получил, – признал Саймон. Действительно, несмотря на все недостатки, Люк просто обожал мать. – Я не знал точно, где его искать. Вы же знаете, Люк может быть где угодно.

Тео тихонько присвистнул, когда Сара подала им с Марком чай.

– Спасибо, Сара. Ну что ж, давайте приступим без него, хотя, я думаю, Люк очень расстроится, когда узнает, что пропустил такую встречу.

Саймон посмотрел на младшего из братьев, недовольно приподняв бровь.

– Ему следовало бы почаще появляться дома или хотя бы давать нам знать, в какой точке мира он находится, если хочет участвовать в важных семейных делах.

Тео поднял свою чашку, как кубок, и провозгласил:

– Истинно, брат!

Тео сделал маленький глоток, затем поставил чашку и блюдце на маленький овальный столик из резного тикового дерева и присел на корточки перед диваном.

Саймон же не спеша опустился в шикарное кресло, выполненное в египетском стиле и украшенное бронзой и дамасским шелком, напротив Тео и Марка. Он посмотрел на свою сестру и жестом указал на такое же кресло рядом с ним.

– Пожалуйста, Эзме, сядь.

Когда Эзме направилась к своему креслу, Сара поставила чайник и повернулась чтобы выйти из комнаты.

– Нет, Сара, ты тоже останься, – велел герцог резко, тоном, не терпящим возражений.

Саймон взглянул на братьев, но они молчали. Никто не возражал против присутствия Сары, а это значило, что они понимали, почему Саймон велел ей остаться.

Конечно, это было семейным делом. Любую другую горничную сразу выгнали бы за дверь, как только она закончила с чаем. Но не эту. Она вот уже много лет принимала участие

во всем, что происходило в Айронвуд-Парке, и была так глубоко погружена во все семейные дела, что ей самой иногда казалось, что она член этой семьи. Братья Саймона так же, как и он сам, понимали, что ее присутствие может оказаться полезным.

Плюс... да, черт возьми! Саймон просто хотел, чтобы она была рядом. Но его братья не должны знать об этом.

– Да, ваша светлость, – ответила она и присела в реверансе.

Сара осталась стоять там, где была, за серебряным чайным сервизом, внимательная и молчаливая.

Когда все приготовились слушать, Саймон обратился к сестре:

– Расскажи нам, Эзме, что случилось. Мы должны знать каждую деталь, с самого начала.

Она кивнула и глубоко вздохнула. Остановив свой взгляд на резном тиковом столике и вцепившись руками в обивку подлокотников кресла, Эзме начала рассказ:

– Я больше не видела маму каждый день, с тех пор как она решила, что надо соблюдать наши традиции и переехала в свой маленький вдовый домик. Поэтому я не могу сказать, когда точно это случилось, но... но... я должна была... я должна была заметить. Она же моя мать. Мне следовало посещать ее каждый день, чтобы убедиться, что все в порядке.

– Когда ты видела ее в последний раз? – Голос Сэма, как всегда, звучал холодно и отстраненно.

В глазах Эзме стояли слезы.

– Неделю назад.

– Продолжай, – велел Саймон, задумчиво кивая.

– Ну вот... Позавчера я заметила, что не видела маму уже несколько дней, и отправилась к ней. И...

– И? – нетерпеливо спросил Тео.

Облокотившись на колени, он подался всем телом вперед. Глаза его были прищурены.

Эзме перевела взгляд на Тео.

– Там никого не было. Ни Бинни, ни Джеймса, ни мамы. Все они просто исчезли.

Саймон нахмурился. Бинни и Джеймс были слугами его матери, которые переехали, как предписывала традиция, вместе с ней в этот отдельный дом для вдовы. Он не знал, что они тоже исчезли.

– Я долго стучала. Потом попробовала открыть дверь, но она оказалась заперта. Вы же знаете, что мама редко закрывала дверь на замок. Я побежала обратно в дом и попросила ключ у миссис Хоуп. Сара пошла со мной. Мы вошли внутрь, но никого там не нашли.

– Почему вы сразу не обратились к констеблю? – спросил Марк, нахмурившись, на его гладком лбу образовалась глубокая складка.

– Я... Я... – Эзме замолчала и послала беспомощный взгляд в направлении Сары.

– Мы подумали, что нужно сообщить его светлости, прежде чем вовлекать в это кого-либо постороннего, – объяснила Сара. – Как только мы сообщим властям, все, кому не лень, начнут обсуждать это и выдвигать свои версии. Мы решили, что более разумно предоставить решать его светлости, стоит привлекать полицию или нет.

– Вы приняли правильное решение, – сказал Саймон.

Он не хотел афишировать это происшествие, даже если бы власти могли чем-то помочь. Сара знала его достаточно хорошо, чтобы понимать, что он предпочтет сохранять в тайне все, что касается частной жизни членов семьи. Потому что, если речь шла о Хокингах, сплетники тут же начинали переверять и приукрашивать все события и факты, добавляя ложных пикантных подробностей. В любом случае Саймон располагал большими возможностями и ресурсами для поисков матери, чем любой констебль.

Сэм оттолкнулся от подоконника и сделал шаг вперед. Его холодный пристальный взгляд был сосредоточен на Эзме.

– А в каком состоянии был мамин дом? Там чисто? Нет ли следов обыска? Все ее вещи на месте?

– Все было на своих местах, – прошептала Эзме.

– Насколько мы могли заметить, – добавила Сара, – все ее вещи остались нетронуты. То есть почти все. Ее сейф был открыт и пуст. Все деньги пропали. И драгоценности тоже.

Вот проклятье! У его матери было достаточно драгоценностей, чтобы обеспечить жизнь небольшой деревни в полной роскоши на долгие годы.

Марк нахмурился.

– Ограбление?

Если кто-то захотел пожить в Айронвуд-Парке, то маленький вдовый домик был бы лучшим местом для начала. Он стоял уединенно, скрытый в роще деревьев, на северной окраине герцогских владений и охранялся не слишком хорошо. Да и каждый, кто был знаком с герцогиней, мог бы подтвердить, что она была из тех людей, которые не обращают слишком много внимания на такие мелочи, как замки.

Но если кто-то проник во вдовый домик за драгоценностями, то что стало с матерью и слугами? От этой мысли у Саймона вдруг пересохло во рту.

– Возможно, – ответил Саймон, но в его голосе чувствовалось сомнение.

– Кто тогда осматривал мамин дом? – спросил Сэм у Сары.

– Миссис Хоуп, леди Эзме и я, сэр. Мы побывали там снова сегодня утром, пока ждали вашего приезда.

– Мы еще раз все тщательно обыщем. Заглянем под каждый камень, – заявил Сэм, глядя на Саймона.

– И не только дом, – добавил Саймон, – но и лес, и все прилегающие территории. И еще... – он остановился, чтобы успокоить сбившееся дыхание, – надо будет также организовать поиски в озере.

Эзме всхлипнула. Ей было страшно даже думать о том, что их мать могла утонуть в этом небольшом живописном озере, рядом с которым так близко располагался вдовый дом.

Повернувшись к сестре, Саймон увидел, как вздрогнули ее плечи, а слезы начали медленно струиться по щекам. Вот черт! Он был воспитан с братьями. Эзме еще не родилась, когда его, десятилетнего мальчика уже, совсем одного отправили в Итон. А герцогиня всегда была воплощением силы и мужества и никогда бы не позволила себе плакать в присутствии кого-либо. Поэтому Саймон понятия не имел, как надо успокаивать плачущих женщин.

Подняв голову, он понял, что остальные тоже в растерянности и не знают, как поступить. Его братья застыли на месте и смотрели почти безучастно на всхлипывающую сестру.

Сара, наконец, прервала эту немую сцену. Она поспешила к Эзме, опустилась на колени рядом с ней и предложила свой носовой платок. Она обняла девушку, и та разрыдалась, уткнувшись в ее плечо. Сара смотрела на Саймона поверх головы его сестры и гладила рукой ее темные волосы, пытаясь хоть как-то успокоить. От сострадания к Эзме и беспокойства за ее мать голубые глаза Сары утратили свой обычный живой и теплый блеск. Она любила герцогиню как мать.

– Ну тише, тише. – Сара нежно гладила Эзме по спине. – Если кто и сможет найти герцогиню, так это его светлость.

Но плечи Эзме продолжали вздрагивать. Когда Сара вновь подняла глаза на Саймона, он уже знал, что должен сказать.

– Эзме, мы обязательно найдем ее. Я тебе обещаю.

Он оглядел своих братьев, и те кивнули в знак согласия.

Эзме сделала глубокий вдох и, не отрываясь от плеча Сары, глухо проговорила:

- А что, если она... Если она не... Если вдруг...
- Пока рано делать выводы. Ведь нет никаких доказательств, что ее светлости причинили какой-либо вред, – продолжала успокаивать ее Сара.
- Так и есть, Эзме, – подтвердил Сэм, и обычный лед в его голосе немного треснул и оттаял. – Вместе мы обязательно что-нибудь придумаем.
- Мама бы не... – Тео осекся, нахмурившись.
- «Мама бы не...» что? – спросил брата Саймон.
- Тео посмотрел на него холодными глазами.
- Она ведь не могла сама убежать? Правда?
- Все уставились на Тео. Даже Сара замерла с открытым ртом.
- Зачем ей убегать? – наконец спросил Марк.
- Я не знаю. – Тео покачал головой и пожал плечами. – Просто мысли вслух.
- Если бы мама решила сама покинуть Айронвуд-Парк, я думаю, она обязательно сообщила бы кому-нибудь об этом, – сказал Марк. – И о своем местонахождении тоже.
- Саймон посмотрел на Эзме. Она уже не плакала. Сара все так же сидела рядом с ней и обнимала ее, продолжая успокаивать. Он был рад, что велел ей остаться.
- Вы считаете, наша мама могла поступить так... странно?
- Марк фыркнул.
- О чем ты говоришь? Она же герцогиня Трент! Она всегда отличалась эксцентричностью.
- Сейчас речь идет не просто об эксцентричности. Это не похоже на нее.
- Эзме грустно покачала головой.
- Нет. Она не могла так поступить. Она с нетерпением ждала обед для дам, который собиралась устроить на следующей неделе. И даже сама вышивала платочки, чтобы подарить их каждой приглашенной леди.
- Выходит, она не планировала никуда сбегать, – задумчиво констатировал Тео.
- Да, но вы же ее знаете! Она запросто могла поменять все планы, если появилась новая блажь, – заметил Марк.
- Верно, – согласился Сэм. – Нужно проверить ее дом на озере Уиндермир и апартаменты в Лондоне.
- И еще дома ее сестер. Вдруг она неожиданно решила навестить кого-то из них, – добавил Саймон.
- Тео покачал головой.
- Если у нашей матери появился новый каприз и она решила вдруг куда-то уехать, то она может быть сейчас где угодно.
- Даже если это так, то все равно кто-то где-то должен был ее видеть, – продолжил рассуждать Марк. – Вместе мы сможем вспомнить все ее любимые места и маршруты, куда она могла бы направиться.
- Мы проверим все, – сказал Саймон.
- В дверь постучали. Вошел лакей и доложил, что ужин подан и все приглашаются к столу. Саймон поблагодарил его и отпустил. Только сейчас, когда желудок заурчал в предвкушении горячей еды, он понял, как сильно проголодался. Он ничего не ел со вчерашнего дня. Обернувшись к братьям, Саймон объявил:
- Хорошо, мы обсудим подробности после ужина. – А затем, обратившись к Саре, добавил: – Спасибо, что осталась. Надеюсь, я увижу тебя вновь в девять часов?
- Конечно. Если ваша светлость пожелает.
- Пожелает.
- Она наклонила голову и посмотрела на него своими большими серо-голубыми глазами.
- Тогда я останусь и буду ждать вас здесь.

Глава 2

Полночь уже опустилась на Айронвуд-Парк, когда Сара, наконец, покинула особняк и отправилась спать к себе в домик садовника, в котором жила с отцом.

Вчера шел дождь, а сегодня растущая луна ярко светила над деревьями, кустами и цветами. Садовник много трудился, чтобы поддерживать все это великолепие. Герцогиня всегда хвалила его. Она часто смеялась и говорила, что, нанимая нового садовника, никак не ожидала, что тот сможет в своем ремесле превзойти самого Ланселота Брауна, лучшего ландшафтного дизайнера Англии.

Отец Сары не только поддерживал, но и постоянно улучшал местные пейзажи. Парк вокруг дома был прекрасен в любое время года и всегда напоен сладкими ароматами цветов и трав. Ухоженный парк отделяла от внешнего ландшафта живая изгородь, постриженная в виде той или иной геометрической фигуры, при этом всегда разной.

Однако, несмотря на красоту и совершенство парка, по которому шла Сара, душа ее была наполнена ужасом.

Таинственное исчезновение герцогини полностью перевернуло спокойную жизнь маленького мирка Айронвуд-Парка. Герцогиня Трент никогда не пропадала прежде. Конечно, она периодически ездила в Лондон и навещала своих родственников, разбросанных по всей Англии, но Айронвуд-Парк был ее домом, ее якорем, и когда она вдруг исчезла, все очень остро ощутили ее отсутствие. И каждый в этом мирке всем своим существом чувствовал, что сейчас их госпожа отсутствует не по причине очередного вояжа. Нет. Все намного серьезнее и страшнее. Все слуги были на взводе. И даже миссис Хоуп, женщина весьма оптимистичная, была очень напугана.

Хуже всего, конечно, приходилось детям герцогини. По тому, как быстро Сэм, Марк и Тео примчались в отчий дом, стало понятно, как сильно все это их встревожило. Только Люк не приехал, и его местонахождение по-прежнему оставалось неизвестным. Но по этому поводу никто особенно не переживал. Раз в несколько месяцев Люк всегда появлялся или в Лондоне, или в Айронвуд-Парке. Сара представляла, как сильно он будет расстроен, когда, наконец, узнает об исчезновении герцогини. Он был больше всех остальных близок с матерью.

Бедная Эзме первая обнаружила пропажу герцогини и, по какой-то причине, винила в этом себя. И она постоянно твердила, что с матерью произошло нечто ужасное. Переживали все, но Эзме ни на минуту не могла избавиться от этого страха.

А Саймон...

Сара замедлила шаг и посмотрела вверх на серебряные брызги звезд; казалось, небо — это черный бархат, во множестве мест проколотый булавкой.

Саймон...

Она не могла больше произносить его имя вслух. Это выглядело бы неподобающе. Но Сара часто повторяла это имя про себя, как заклинание. С того самого дня, как он спас ее из колючего ежевичного куста.

Последний раз она видела его почти три года назад. И сейчас он оказался еще привлекательнее, чем прежде. Все это время она пыталась убедить себя, что в нем нет ничего особенного. Но когда они встречались вновь, он просто ошеломлял ее своим очарованием и шармом.

Сегодня вечером, первый раз после долгих трех лет увидев его в гостиной, Саре показалось, что сердце застыло и остановилось на несколько секунд. Когда же оно начало биться вновь, возникло чувство, будто табун лошадей скачет галопом у нее в груди. Воспоминания о нежных губах и руках Саймона потоком нахлынули на нее. Саре стало жарко, она буквально

задыхалась. С трудом она смогла закончить разливать чай. А когда подавала чашку ему, ей казалось, что руки дрожат так, что весь ковер будет забрызган чаем.

Никто не смог бы отрицать, что Саймон красив. Его прямые волосы сейчас стали длиннее на один-два дюйма и были все того же светло-коричневого цвета с золотыми прожилками. Его пронзительные зеленые глаза всегда оставались серьезными. Но сейчас они выглядели немного темнее, чем помнила Сара, будто кольца из темного зеленого мха окружали его зрачки. Неглубоких морщинок в уголках глаз она не помнила вовсе, но они ей понравились – они придавали еще больше мужественности его лицу. Веснушки, осыпавшие его нос в юности, исчезли, и теперь все лицо было ровного золотистого оттенка. Патрицианский нос и высокие скулы дополнял квадратный подбородок с ямкой на подбородке, которая была особенно хорошо заметна, когда Саймон улыбался. Но с самого его приезда Сара так и не увидела этой милой ямки. Она надеялась, что он хоть раз улыбнется ей до своего очередного отъезда из Айронвуд-Парка.

Сегодня вечером Сара без остатка погрузилась в фантазии. Перед ее мысленным взором постоянно возникали сильные, обтянутые шерстью панталон бедра Саймона. Мышцы его плеч и широкая гибкая спина под пальто заставляли дыхание сбиваться. Как же ей хотелось вновь прикоснуться к его сильному телу!

Но больше всего Саре нравились его уверенность, решительность, властность. При этом он никогда не упивался данной ему властью, не потакал своим слабостям и не унижал других. И сегодня в гостиной Саймон разрешил высказаться всем, выслушал и рассмотрел все мнения и предложения. Даже ее, Сары.

Но как же сложно было ей сосредоточиться на проблеме! Присутствие Саймона постоянно отвлекало ее, заставляя вспоминать о той ночи. Ее согревали воспоминания о его поцелуе. О боже! Сара мечтала поцеловать Саймона вновь. Ей хотелось оказаться в его объятиях и почувствовать прикосновение его губ.

В какой-то момент, когда Саймона не было рядом, Сара внушила себе, что это наваждение прошло. Но сейчас, подняв глаза к небу, она смеялась над собственным самообманом. Какой же глупой она была! Лишь только увидев его спустя три года, она поняла, что по-прежнему без ума от герцога Трента, так же, как и раньше. А возможно и больше.

Сара закрыла глаза и сделала глубокий медленный вдох. Она знала свое место. И Саймон знал. Между ними пропасть. Саймон, как правило, все делал очень продуманно и осторожно. Он понимал, что их семья была всегда на виду. И им постоянно приходилось бороться с попытками испортить и очернить ее репутацию. Саймон никогда не переступал ту невидимую тонкую черту, которую общество провело между ними.

Сара понимала, что неправильно так отчаянно желать того, кто был вне пределов ее досягаемости. Но сейчас, когда исчезла герцогиня, постоянно думать о Саймоне было просто недопустимо. Все его мысли сейчас были заняты поиском матери, и Саре следовало бы тоже думать только об этом.

Когда посыпанная гравием дорожка привела Сару к развилке, она в нерешительности остановилась. Путь направо ведет к дому. Дорожка, уходящая влево, – на берег ручья. Поддавшись неожиданному импульсу, Сара пошла налево. Она не могла спать. Не сейчас. Ее разум был полностью занят запутанными событиями последних дней. Перед сном ей необходимо привести мысли в порядок, и лучшим для этого способом была прогулка на свежем весеннем воздухе.

Луна разливала серебро по ночному небу, освещая путь. Гуляя, Сара думала, что причиной исчезновения герцогини вполне могли стать грабители. Но она даже представить себе не могла, что с герцогиней произошло нечто ужасное. И где? В Айронвуд-Парке! Появись здесь злоумышленники, Сара бы услышала их. Она бы их почувствовала. Они бы ни за что не смогли укрыться от дочери садовника.

Сара прошла вдоль ручья примерно полмили. Журчание воды, бегущей по камням, постепенно успокаивало ее.

Когда она дошла до знакомой скамьи у излучины ручья, которая пряталась в кустах ежевики, она вновь заколебалась. Скамья стояла на самом берегу, чуть в стороне от дорожки, и манила ее к себе, сверкая жемчужно-белым мрамором в лунном свете.

Сара уже давно не приходила сюда. Раньше, сидя на этой скамейке, она мечтала о таких вещах, о которых серьезные девушки даже не думали. А иногда она приходила сюда просто, чтобы предаться воспоминаниям.

Сегодня вечером ей тоже хотелось подумать о прошлом. Так Сара сидела, глубоко дыша, сжав пальчики ног в туфлях и задумчиво глядя на ручей.

Лунный свет играл на водной ряби ручья, когда она вдруг уловила какое-то движение рядом. Сара схватилась за край скамьи и выпрямила спину. Вытянув шею, она начала медленно озираться по сторонам. Сара вновь ощутила все напряжение и нервозность, которые не покидали ее с той самой минуты, когда Эзме ворвалась в каменный зал, где она руководила капитальной уборкой, и сообщила ужасную новость о герцогине.

– Сара?

На мгновение она застыла, а потом резко оглянулась через плечо.

На дорожке стоял джентльмен, частично скрытый колючими ветвями. Лунный свет, пробиваясь сквозь них, покрывал причудливым узором его пальто и красивое мужественное лицо.

«О боже! Саймон!» – догадалась Сара, и все ее тело затрепетало. Грудь сдавило от безумного чувства неудовлетворенной любви, которую она испытывала к нему и которую так тщательно пыталась запереть внутри. И сейчас это чувство готово было вырваться на свободу.

– Ваша светлость, – сказала она мягко.

– Я не мог уснуть.

– Я тоже, – сказала Сара, встав и повернувшись спиной к ручью и скамейке, на которой они не раз встречались на протяжении долгого времени. Для них обоих это было местом покоя и уединения. Встречаясь, раз за разом они лучше узнавали друг друга.

Но во время последней встречи Саймон поцеловал ее. Это был долгий поцелуй, горячий и глубокий. Его губы были ненасытны. По щекам и по шее они скользили вниз к ее груди, которую он целовал прямо через платье. Его руки мягко гладили грудь Сары, скользя по соскам, и крепко сжимали ягодицы.

А на следующий день Саймон уехал в Лондон. И она больше не видела его до сегодняшнего вечера. И вот сейчас он был рядом, и его высокая фигура бросала тень на ее лицо.

Сара никак не ожидала увидеть его здесь. Она предполагала, что Саймон сразу же отправится спать, потому что выглядел очень уставшим и измученным. Но если бы он хотел отдохнуть, то вряд ли бы пришел сюда. Сара знала, что он больше не воспринимал это место как уголок покоя и уединения. Впрочем, и она тоже. Их последняя встреча здесь все изменила. Теперь это место ассоциировалось со страстью и безумием. С чем-то чувственным и плотским.

Но Саймон был здесь. Увидев Сару, он мог просто развернуться и уйти. И она бы даже не заметила этого. Но он предпочел подойти к ней и сесть рядом.

Они смотрели, как маленькие водовороты затягивают блестящий лунный свет в глубь воды. Напряжение, охватившее Сару, постепенно проходило. Тепло, исходящее от Саймона, и его приятный запах – смесь кедра и каких-то специй – успокаивали и расслабляли ее.

Наконец Сара несмело скользнула взглядом в его сторону.

– Я сожалею, ваша светлость, что вам пришлось вернуться домой из-за таких ужасных событий.

– Да... Но я все равно рад оказаться дома. Меня не было слишком долго. Обстоятельства... Хотя... – вздохнул он. – Наверное, я никогда не смогу понять свою мать. Почему она никого не предупредила, что ее планы резко изменились? Это выше моего понимания.

– Никто пока не знает, как все было на самом деле, – мягко напомнила ему Сара.

Саймон фыркнул, сжав губы.

– Это верно. Но у меня такое чувство, что все дело именно в герцогине.

Всегда оставаясь наедине в этом укромном уголке парка, они могли говорить свободно, без условностей и ограничений, накладываемых разницей их происхождения и положения. Скрытые от чужих глаз, они чувствовали легкость, которой не было никогда в присутствии посторонних. Все преграды и пропасти, разделяющие их, казались несущественными, почти несуществующими. Здесь, начиная с того самого дня, когда Саймон спас Сару из колючих кустов, они были друзьями.

До прошлой их встречи, когда внезапно их дружба превратилась в нечто большее.

– Сегодня вечером, после того как вы с Эзме уже покинули гостиную, у меня возникла одна идея, – сказал Саймон.

Сара повернулась и встретилась с ним взглядом, стараясь не обращать внимания на горячую волну, захлестнувшую ее тело. Она вспомнила, как они сидели здесь точно так же, как сейчас, и Саймон вдруг прошептал, почти простонал:

– Сара, я больше не в силах сдерживать себя!

И затем он обнял Сару, припав к ее губам. Она сразу сдалась, провалившись в омут этого поцелуя, став рабой чувства, которое он вызвал в ней. И для нее в тот момент уже не существовало никаких ограничений и условностей. Все было правильно и естественно, как дыхание, только гораздо более волнующе. Сара инстинктивно знала, что делать. Ее руки гладили Саймона, она страстно отзывалась на его поцелуи, ощущая его сильное тело даже через пальто. Его губы и руки исследовали ее всю. Он нежно облизывал мочку ее уха и целовал грудь прямо через слои одежды.

Но потом взгляд Саймона стал абсолютно серьезен, и он заявил твердо:

– Я думаю, будет лучше, если Эзме уедет со мной в Лондон.

Сара все еще тяжело дышала, увлеченная воспоминаниями об их поцелуе. Если Эзме покинет Айронвуд-Парк с Саймоном, то никого из семьи герцога здесь не останется. Все разъедутся в разные стороны, чтобы жить своей жизнью. Но поиски герцогини продолжатся. Раньше уже случалось, что какое-то время никого из Хокинзов не было в Айронвуд-Парке. И в такие моменты Сара чувствовала себя особенно одиноко.

– Эзме девятнадцать, – продолжил Саймон свои размышления. – Она молодая женщина, и этот сезон ей лучше провести в компании сверстников и друзей. Ей следует находиться в Лондоне, а не сидеть здесь, в провинции. Я знаю, мать считала, что Эзме должна провести дома еще как минимум год, но я не согласен с этим. Заперев ее здесь, мы сделаем ей только хуже.

На самом деле Эзме гораздо больше была по душе жизнь в Айронвуд-Парке, чем в Лондоне. В прошлом году ее уже выводили в лондонский свет, и ни к чему хорошему это не привело.

– Я считаю, что это просто варварство, – говорила потом Эзме Саре. – Мы вынуждены выкладывать себя, подобно кускам мяса на рынке, чтобы быть тщательно осмотренными и отброшенными в сторону, если вдруг обнаружатся какие-то недостатки.

– А если недостатки не обнаружатся? – спросила ее Сара.

– Еще хуже! – воскликнула Эзме. – Тогда начинается соревнование между оголодавшими джентльменами, и если бедной леди совсем не повезет, то и бурная вакханалия.

В Айронвуд-Парке, бывая на многолюдных мероприятиях, она всегда вела себя тихо и робко. Поэтому, когда Сара пыталась вообразить себе жизнь Эзме в Лондоне, у нее что-то

сжималось внутри от сочувствия к бедной леди. Невозможно представить ее среди стайки красивых и элегантных дам, щебечущих о том, какие драгоценности лучше надеть на предстоящий бал.

– У меня также есть опасения, что в Айронвуд-Парке сейчас ей оставаться небезопасно, – добавил Саймон.

– Но я бы была с ней здесь и позаботилась о ее безопасности, – сказала Сара. – Вместе с другими слугами.

Он внимательно посмотрел на нее, и уголки его губ начали приподниматься в улыбке.

– Я верю, Сара, что ты смогла бы защитить ее, если бы я поручил тебе это. Поэтому я хочу, чтобы ты тоже поехала с нами.

– В Лондон?

– Да.

– Я?! В Лондон?!

Сара никогда не была в Лондоне. Еще будучи маленькой девочкой, она страстно мечтала увидеть этот город.

– Я хотел бы, чтобы ты выполняла обязанности компаньонки Эзме.

– Ее компаньонки?! Но я не могу!

Огромный комок подступил к горлу, когда Сара произнесла последние слова. Саймон нахмурился.

– Почему?

Ее щеки горели.

– Она из семьи герцога, а я простолюдинка.

– Уверен, ты сможешь вести себя как благородная дама. Не обязательно кому бы то ни было знать, что ты дочь садовника. У тебя грамотная речь, и ты способна поддержать беседу, так что ни у кого не возникнет вопросов относительно твоего воспитания.

– Но я-то знаю, что я не леди, – возражала Сара. – И вы знаете. И Эзме тоже.

Саймон очень серьезно посмотрел на нее.

– Меня это совершенно не смущает.

Сара сидела ошеломленная. Саймон всегда был щепетилен в вопросах приличий, особенно когда дело касалось его семьи.

Он продолжил:

– Понимаешь, ты лучший кандидат в компаньонки Эзме. Ты очень хорошо с ней ладишь. Я же видел, как ты успокоила ее сегодня. Она обожает тебя и будет слушаться. – Саймон уперся руками в свои колени. – В Лондоне я постоянно занят важными делами. Дома бываю редко. Я не смогу спокойно работать, оставив сестру одну.

Сара очень хотела поехать в Лондон и быть рядом с Саймоном и Эзме, но, с трудом проглотив подступивший к горлу комок, заставила себя сказать это:

– Вы легко могли бы найти для этого кого-то еще, ваша светлость.

На самом деле, если бы Саймон только сказал кому-то, что ищет компаньонку для Эзме, толпы претенденток, более высокородных и образованных, чем Сара, сбегались бы в надежде получить место рядом с сестрой герцога Трента.

– Я думал об этом, но нет.

– Почему нет?

Саймон отвел взгляд и стал разглядывать свои руки.

– Ты мыслишь здраво. И я доверяю тебе больше, чем доверял бы любой незнакомой высокородной даме.

Его последние слова Сара слушала, затаив дыхание. Затем, немного помолчав, чтобы успокоиться, она спросила:

– А что, если кто-нибудь узнает, что я дочь садовника?

Вздыхнув, он ответил:

– Меня это не волнует. Есть примеры, когда люди, вышедшие из самых низов, достигали высот больших, чем должность компаньонки.

– Но вы... вы же ненавидите скандалы, – прошептала Сара.

– Да, ты права. Но есть вещи, ради которых можно рискнуть, – такие, как счастье и безопасность моей сестры.

– А как же леди Эзме? Ведь скандал значительно подпортит ее репутацию. А для леди это не шутки!

Саймон вновь нашел своим взглядом ее глаза.

– Ты считаешь мою сестру слабой инфантильной леди?

– Эзме добрая и мягкая и, наверное, да, в какой-то степени слабая. Но то, о чем я говорю, имеет мало общего с человеческой слабостью или силой, ваша светлость. Я имею в виду, что общество, толпа может вонзить свои ядовитые когти в человека и не отпустить его уже никогда.

– Я вижу, ты уже слышана о нравах, царящих в среде лондонской знати.

– Верно.

Он вздохнул.

– В данном случае я готов рискнуть. Считаю, что опасность разоблачения минимальна, и польза от твоего пребывания в Лондоне рядом с Эзме в разы перевешивает ее. Если хочешь, я изложу все эти доводы своей сестре, и, если она имеет хоть каплю здравого смысла, то придет к тем же выводам.

Сара задумалась. Она знала Эзме достаточно хорошо и верила, что она согласится с этим планом. Конечно, Эзме будет очень удобно, если в Лондоне ее будет сопровождать Сара. Это как отправиться в дальнюю дорогу, захватив с собой любимый теплый плед. Но будет ли согласие Эзме на эту авантюру продиктовано здравым смыслом, Сара очень сомневалась.

Но она поняла логику Саймона. Риск оказаться в центре небольшого скандала для него не шел ни в какое сравнение с благополучием его семьи. Мысль, что он считает присутствие Сары необходимым для обеспечения этого самого благополучия, согревала ее душу.

– Что ж, ладно, – сказала она. – Я пойду.

Саймон вскинул брови.

– Ты отказываешься?

Сара помедлила, затем улыбнулась.

– Я ни разу не покидала Айронвуд-Парк, с тех пор как шестнадцать лет назад приехала сюда. В течение всех этих лет я наблюдала, как вы и ваши братья приезжали и уезжали снова, и... – Ее голос ослаб.

– И?..

Она сжала край скамьи. Холодный и твердый мрамор впился в ее ладони.

– Хорошо, – решила наконец Сара. – И... я всегда мечтала уехать с вами.

Саймон улыбнулся, показывая свою чудесную ямочку на подбородке, которую она целовала три года назад. Сара с трудом оторвала взгляд от его лица.

– Тебе следовало бы раньше сказать это одному из нас, – ответил он.

Она тихонько рассмеялась.

– Люди бы подумали бог знает что, если бы я сопровождала лорда Люка на континент или лорда Тео в Кембридж.

Тень прошла по лицу Саймона, и он отвел взгляд. Сара заметила, что ему были неприятны эти слова. А ведь действительно, сейчас она совсем не подумала о том, что скажут люди в связи с ее отъездом.

– Ох! – прошептала она. – Я имела в виду...

Саймон помолчал, прежде чем его взгляд вновь обратился к ней.

– Я знаю.

От его взгляда у Сары перехватило дыхание.

Целых три года руки Саймона не касались ее. И вот сейчас это случилось вновь! Она почувствовала его сильные мужественные пальцы, когда он взял ее лицо в свои ладони. Его тонкий кедровый запах окружил их обоих, как кокон, и его тепло прошло сквозь ее тело.

Сара тонула в его руках, изо всех сил стараясь не закрывать глаза, но это было сложно. Удовольствие от его прикосновения было настолько велико, что она сдалась.

– В прошлый раз мы были здесь... на этой скамейке... – Его голос превратился в хриплый шепот. – Это было так давно. Но с тех самых пор я жаждал вновь поцеловать тебя. – Его горячее дыхание щекотало ее щеку. – Я хочу чувствовать тебя всю. И покрыть поцелуями все твоё тело.

Сара открыла глаза. Ей хотелось видеть его, и она наклонилась ближе.

И вдруг он отдернул руки от ее лица, как будто оно обожгло его.

– О боже! – простонал Саймон. Он запустил руки себе в волосы и резко отвернулся. – Я сожалею. Я не должен был говорить этого.

– Ничего... все в порядке... – выдавила Сара через пересохшее горло. Она все еще чувствовала легкое покалывание и тепло на щеках, там, где он касался ее.

– Сара, это была моя ошибка. Я не должен был касаться тебя. Это неуважительно по отношению к тебе и... неправильно.

– Ах... Ваша светлость! Нет!

Сара почувствовала нечто той ночью, но это было совсем не неуважение. Она почувствовала... страстное желание. И все последние три года она берегла и смаковала это ощущение.

– Была поздняя ночь, и я воспользовался тобой.

– Нет, – повторила она.

– Я не должен был этого делать. – Саймон поднялся на ноги, а Сара по-прежнему осталась сидеть на скамье. – Я потратил три года, чтобы убедить себя в том, что все это было неправильно. В том, что мне не следовало трогать тебя. И вот я снова здесь, с тобой. И все, о чем я могу думать сейчас, это твоё тело. Я хочу вновь почувствовать тебя. Всю. Хочу вновь испытать эти ощущения.

От его слов по телу Сары прошла сладкая дрожь. Она тоже хотела этого. Она смотрела на него снизу вверх, ожидая, желая, чтобы Саймон, наконец, сдался, сел рядом с ней, заключил ее в свои объятия и утопил в поцелуях.

Он наклонил голову, растирая виски, и вновь взглянул на нее.

– Мне не следует, я не должен трогать тебя. Я хочу быть честным с тобой, Сара. Аморально испытывать подобные чувства к той, которая находится у меня на службе.

Будь Сара какой-нибудь дебютанткой в Лондоне, все могло бы быть по-другому. Но она была Сарой Осборн, главной горничной. И она прекрасно понимала, почему Саймон считал безнравственным и предосудительным свое желание вновь обнять и поцеловать ее. Проблема заключалась в той самой огромной социальной пропасти, которая разделяла их.

Черт бы побрал все эти приличия и условности! Почему это так важно для него?! Саймон хотел ее. Сара видела это в его глазах, слышала в его словах. И видит бог, она тоже хотела его.

Сара заметила, как сильно сжаты его кулаки. Да, Саймон на самом деле уверен в том, что совершит нечто ужасное, если будет желать ее. Она знала, что больше всего на свете Саймон не хотел быть похожим на своих родителей, чья жизнь была полна скандалов, предательств и вопиющей распущенности.

Увы, ничего с этим поделать нельзя. По крайней мере сейчас. Ей всегда придется помнить, кем он был и кем бы он хотел или не хотел стать в будущем.

Что ж, Сара сделала глубокий вдох, поднялась и начала расправлять складки своей юбки, стараясь, чтобы Саймон не заметил, как дрожат ее руки.

Ответив легкой улыбкой на его напряженный взгляд, она спросила:

– Вы проводите меня домой?

– Конечно.

Они шли по тропинке бок о бок. Осознание его близости вызывало резонанс в ее теле сильнее, чем когда бы то ни было. Она следила за ним украдкой.

Сара знала, что Саймон поступил мудро. Однажды Люк закрутил роман с одной из служанок в Айронвуд-Парке, и все это вылилось в очень неприятные последствия. К чему могут привести отношения между герцогом и служанкой? Разве что к разбитому сердцу очередной глупой простолюдинки. Сара знала об этом. Она не была глупой.

Но ее предательское тело совершенно отказывалось слушать голос разума. Она жаждала его объятий. И таких же страстных поцелуев, как три года назад. И еще чего-то большего.

Саймон шел, глядя на тропинку перед собой, молчаливый и задумчивый. Когда дорожка сужалась, он отступал в сторону, давая Саре пройти первой. Путь до домика садовника показался ей бесконечным, хотя в действительности занимал совсем немного времени.

Когда наконец они уже стояли у дверей ее дома, Саймон произнес:

– Я не хочу, чтобы ты гуляла здесь одна. По крайней мере до тех пор, пока мы не выясним точно, что случилось с герцогиней. Я распоряджусь, чтобы кто-нибудь сопровождал тебя по вечерам.

– Но...

Он поднял руку.

– Пока мы не уедем в Лондон, один из лакеев будет ходить с тобой везде.

– Хорошо, – вздохнула она.

Затем Саймон шагнул вперед и наклонился к Саре. Его глаза сузились.

– Я знаю тебя, Сара. Ты все так же, как в восемь лет, любишь побродить по дальним уголкам парка. Обещай мне, что ты не будешь этого делать, пока мы не убедимся, что это безопасно.

Он был так близко, что она легко могла обвинить его голову руками и притянуть к себе. Его приоткрытые губы провоцировали ее. Сара хотела впиться в них и ощутить их восхитительный вкус. Ее сердце затрепетало в предвкушении.

Впервые Сара почувствовала, что сама может сделать это, если решится. Нужно всего лишь небольшое движение, чтобы соединить свои губы с губами Саймона. Совсем не обязательно ждать первого шага от него. Она сама может его поцеловать.

Но прежде чем она смогла додумать эту мысль и на что-то решиться, Саймон заговорил снова, низким голосом, переходящим в рык:

– Обещай мне, Сара.

– Я обещаю, – выдохнула она, не отрывая взгляда от его губ. Ее голос трепетал, как крылья бабочки.

Он выпрямился и сделал шаг назад.

– Вот и хорошо.

Саймон еще раз внимательно посмотрел на нее и коротко кивнул. И хотя его взгляд несколько смягчился, Сара вновь увидела в нем жажду и страсть, от которых вспыхнула ее кожа.

– Тогда спокойной ночи. Увидимся утром.

С этими словами он повернулся и пошел прочь по дорожке. А она стояла и смотрела на его широкие, обтянутые шерстью пальто плечи, тающие в темноте. И ее сердце вновь сорвалось в галоп.

Глава 3

На рассвете следующего дня Саймон и Сэм пришли во вдовый дом, в котором последнее время жила их мать, чтобы еще раз все тщательно осмотреть. Как и говорила Эзме, все вещи были на своих местах. Признаков борьбы или обыска не наблюдалось, за исключением распахнутого сейфа и полного отсутствия его содержимого.

После завтрака Эзме и Сара присоединились к ним, чтобы продолжить поиски, в то время как Тео и Марк отправились опрашивать окрестных крестьян.

С того момента как Сара переступила порог вдовьего домика, Саймон внимательно наблюдал за ней. Он старательно замечал все детали, и они казались ему восхитительными. От нее пахло свежестью, как на лугу после весеннего дождя. Ему нравился изгиб ее талии, и то, как поднималась и опускалась ее грудь, и бледная кожа на стройной лодыжке, которую он замечал, когда Сара тянулась за чем-нибудь и ее юбка приподнималась. И то, как она поджимала свои розовые губы, когда поднимала пачку бумаг. А ее черные кудри постоянно падали на глаза... Как же ему хотелось подойти и своими руками поправить их, откинуть назад.

Когда прошлой ночью он коснулся ее, почувствовал мягкую плоть ее подбородка в своих ладонях, все его тело напряглось, и его мужское естество встрепенулось, уперевшись в ткань панталон. Он смотрел в ее большие серо-голубые глаза, любовался контрастом между ее темными бровями и ресницами и фарфоровой кожей. И от этого напряжение в его панталонах возросло до каменной твердости. Он хотел провести руками по ее скулам, нежно размять пальцами мягкие розовые губы, а затем положить ее на скамью...

Вот проклятье! Саймон хотел, чтобы та его часть, которую так страстно влекло к Саре Осборн, наконец, сдалась и замолчала. И несмотря на то что все его тело просто изнывало от желания, сейчас было не то время и не то место, чтобы думать о Саре как о женщине. Надо же вспомнить, наконец, что его мать исчезла!

Они все были в спальне герцогини. Сара и Эзме изучали прикроватные тумбы, а Саймон и Сэм обыскивали ящики стола.

– Ой! А они забрали не все драгоценности, – вдруг воскликнула Сара.

Саймон обернулся и увидел, что она сжимает в пальцах какую-то маленькую вещицу. Он нахмурился:

– Что это?

– Это кольцо.

Сара положила колечко на ладонь, и все внимательно рассматривали его, собравшись вокруг.

– Это кольцо матери, – сказал Саймон, увидев бриллиант, оправленный золотом. – Странно. Мама никогда не расставалась с этим кольцом, с тех пор как получила его от отца в качестве свадебного подарка. Когда-то давным-давно наш дед купил это кольцо для нашей бабушки, когда они ездили на континент.

После долгого молчания Эзме осторожно спросила:

– Почему же оно не на ее пальце?

– Возможно, герцогиня сняла его перед сном, – предположила Сара. – Оно было рядом с кроватью в тумбочке.

– Ее кровать не расстелена, – заметил Сэм, – можно сделать вывод, что никто ее насильно отсюда не уводил.

– Ее могли... похитить... перед тем, как она легла в постель, – едва слышно пролепетала Эзме. – На ее туалетном столике все разложено так, как будто она готовилась ко сну.

Именно так и было. Там стоял таз, полный воды, которая давно остыла. На туалетном столике находилась открытая баночка с каким-то косметическим средством и щетка для волос, на которой остались несколько волосков, как будто ею только что причесывались.

– Да, – согласился Сэм. – Если она и покинула этот дом против своей воли, то никакой борьбы не было. Если бы мама сопротивлялась, вещи бы не находились в таком порядке.

– И все же не похоже, что она собиралась куда-то уходить, – заметила Сара. – Она явно готовилась лечь спать.

– Возможно, человек, с которым она ушла отсюда, был ей хорошо знаком, – сказал Саймон.

– Это ничего не дает, – прошептала Эме. – Она знала здесь всех.

– Однако это немного сужает круг поисков. – Саймон взял кольцо из рук Сары и положил себе в карман. – Оно будет храниться у меня, пока мать не вернется.

Саймон встретился глазами с Сарой. Он смотрел на нее несколько долгих мгновений, пока горячая волна не пробежала по всему его телу. Наконец он медленно отвернулся и командовал бодрым голосом:

– Все, здесь больше нечего искать.

Когда Саймон лег спать прошлой ночью, то так и не смог избавиться от фантазий, заполнивших его разум. Он засыпал и просыпался, представляя Сару рядом с собой. И утром, когда просматривал документы матери, пытаясь найти хоть какую-то зацепку, понять, что с ней случилось, его мысли снова и снова возвращались к Саре. Непослушное воображение рисовало ее теплое, стройное, обнаженное тело, изгибающееся под ним.

Каждый его нерв был раскален и тянулся к ней. Жаждал ее. От любого взгляда Сары Саймона обдавало жаром. Это бешеное желание требовало удовлетворения и причиняло боль.

Его тело не обращало никакого внимания на призывы к дисциплине и понятия о чести и ответственности. Он просто хотел ее.

Боже, помоги ему!

Наскоро пообедав, Саймон начал расспрашивать прислугу. Он задавал одни и те же вопросы и получал одни и те же ответы.

– Когда в последний раз вы видели герцогиню?

– Около недели назад.

– Где?

– Да где-то здесь, недалеко от дома.

– Ничего не показалось странным? Может быть, она вела себя как-то необычно?

– Нет, сэр.

– Вы видели кого-нибудь постороннего в Айронвуд-Парке в последнее время?

– Нет, сэр.

И снова, и снова... Пока через двойные двери салона из темного тяжелого дуба не вошел один из конюхов.

Он работал недавно. Высокий, темноволосый и темноглазый. Он явно никогда раньше не бывал в подобных местах, потому что беззастенчиво удивлялся, разглядывая высокий восьмиугольный потолок с изображением Аполлона, летящего к Солнцу.

Саймон впервые видел этого человека, и, видимо, его братья тоже, так как никто с ним не поздоровался. Сара была единственной, кто поднялся из своего красивого обитого красным бархатом кресла. Все присутствующие сидели в таких же креслах, расположенных вдоль всего огромного помещения. Она вышла вперед, встала рядом с мужчиной и представила его:

– Ваша светлость, это Роберт Джонстон, новый конюх. Он работает в Айронвуд-Парке с сентября прошлого года.

– Мистер Джонстон, – поприветствовал его Саймон, слегка наклонив голову.

Затем Сара представила мужчину каждому из братьев Саймона. Когда с этим было покончено, Джонстон обратил все свое внимание на Сару. Он пожирал ее глазами, искривив рот в подобии улыбки. Саймон заметил этот взгляд, и он ему очень не понравился.

Саймон взял стопку бумаг, лежащую перед ним, и начал переключать листы на полированной деревянной поверхности стола с громким шуршанием. Джонстон был вынужден вновь переключить свое внимание на герцога.

– Мы пригласили вас сюда, чтобы задать несколько вопросов. Вы знакомы с герцогиней, не так ли?

– Да, ваша светлость. Я часто возил ее светлость в деревню.

– Когда в последний раз вы видели ее?

Джонстон наклонил голову, вспоминая.

– Я думаю, чуть более недели назад. Я снова возил ее туда.

– Вам ничего не показалось в ней странным? Может быть, она вела себя как-то необычно?

– Нет, сэр. Она была доброй и дружелюбной, как всегда. Она дала мне несколько пенни, чтобы я выпил пинту пива в пабе, пока она будет на встрече с дамами.

Марк фыркнул.

– Конечно, она всегда баловала прислугу, – пробубнил он себе под нос.

– И после встречи вы отвезли ее домой? – спросил Саймон.

– Да, сэр.

– И никаких странных происшествий или инцидентов в этот день не было?

– Нет, сэр. Не было.

Глядя вниз на бумаги, которые держал, Саймон вздохнул сквозь стиснутые зубы. Никто не видел и не слышал ничего необычного. Его мать как будто растворилась в воздухе.

Джонстон прокашлялся, а Саймон поднял голову и взглянул на него. Тот вновь смотрел на Сару. Саймон увидел, как она ему ободряюще кивнула. Джонстон повернулся обратно к герцогу и уверенным голосом выпалил:

– Хотя... Была одна странность.

Саймон положил бумаги на стол и чуть наклонился вперед.

– И какая же?

– Только не в тот день, когда я возил ее светлость, а день или два спустя. Я видел и слышал нечто, что мне показалось необычным.

Он потер лоб, словно что-то вспоминая. В полной тишине все ждали, когда он продолжит.

Джонстон опять взглянул на Сару, будто спрашивая разрешения, и она снова кивнула ему.

– Был ранний вечер. Весь день до этого шел дождь, но к вечеру прекратился, и луна светила достаточно ярко. Я вывел одну из кобыл, чтобы немного потренировать ее. Когда я проходил мимо вдовьего дома, то заметил около него повозку, стоящую на подъездной дорожке. Я видел там повозки и раньше, конечно. Например, когда что-то доставляли ее светлости. Но эту телегу я видел впервые. И запряжены в нее были ослы, а не лошади. А в самой телеге была большая куча чего-то, – он поднял руки над головой, показывая высоту кучи, – я не могу сказать точно, чего именно. Мне показалось, что вся поклажа укрыта промокшими от дождя шерстяными одеялами, с которых стекала вода. Я не придавал всему этому особого значения и поехал дальше. И вот, когда я уже миновал вдовый дом, то услышал это.

– Услышал что? – со вздохом спросил его Тео.

Джонстон сглотнул.

– Ну, сэр... Это был крик. Он доносился с верхнего этажа. Не могу точно сказать, из какого именно окна. Как будто герцогиня кричала на кого-то.

– Что именно она кричала? – спросил Сэм.

Джонстон смутился и даже немного покраснел.

– Я не мог расслышать все. Но, кажется, я слышал: «Дурак!» И: «Чертов идиот!» И еще: «Да как он смеет!» – Он снова сглотнул, и его адамово яблоко дернулось. – Ситуация получилась довольно неловкая, сэр. Я подумал, что герцогине совсем не понравится, что я подслушиваю. Ее частные разговоры меня ведь не касаются. Поэтому я повернул лошадь и ускакал.

– Тебе не показалось, что герцогиня была напугана? – спросил Сэм.

– Нет, сэр. Голос у нее был очень сердитый. Я даже и представить не мог, что леди может так злиться. Это звучало так, как будто она хочет чьей-то крови. Это правда... – сказал Джонстон и покраснел до кончиков ушей. – Я подумал, что она избивает кого-то из слуг.

Саймон решил, что Джонстон еще новый человек в Айронвуд-Парке и поэтому ему простительно делать такие предположения. Никто из старых слуг никогда бы не подумал такого о герцогине.

– Ты слышал еще что-нибудь? – спросил Сэм. – Может быть, еще чей-то голос?

– Нет. Только голос ее светлости. Или, – поправился он, – мне показалось, что это был ее голос. – Джонстон снова нахмурился. – Женщина кричала так громко и с такой злостью, что я не могу быть полностью уверен в том, что это была герцогиня.

– О, это точно была мама, – пробормотал Марк. – Готов поспорить на свой ужин.

Саймон был согласен с ним. Их мать редко теряла самообладание, но если уж это происходило, то выглядело просто ужасно.

– Вы можете рассказать нам что-нибудь еще, мистер Джонстон? – спросил его Саймон.

Конюх поморщился, соображая.

– Нет, не могу, ваша светлость.

– Хорошо. Если вы вспомните что-нибудь еще, немедленно приходите ко мне.

– Да, сэр.

Саймон отпустил конюха, и Сара вышла следом за ним. Как только дверь за их спинами закрылась, Марк спросил:

– Какой дьявол мог так разозлить маму?

Сэм вздохнул:

– Кто знает? Ничего в ее доме не дало нам ни одной подсказки.

Братья Саймона продолжили разговор, а он все время поглядывал на дверь, ожидая возвращения Сары. Ему не понравилось, как конюх смотрел на нее, и его беспокоила вероятность того, что она могла сейчас оказаться с ним наедине.

– А что думает наш герцог по этому поводу? – спросил Марк.

– Что? – Саймон, наконец, отвлекся от созерцания закрытой двери.

– Как ты думаешь, следует ли нам покинуть Айронвуд-Парк завтра? – повторил Марк. Глаза Саймона холодно смотрели на брата.

– Да. Поскольку мы не обнаружили никаких ответов здесь, то завтра продолжим поиски в других направлениях, как было запланировано. Все, кроме тебя, Марк.

Марк кивнул. За обедом они договорились, что кто-то должен остаться в Айронвуд-Парке еще на неделю или две, чтобы убедиться в том, что все здесь будет тщательно обыскано. А также завершить неприятное дело проверки озера.

– Теперь, когда мы знаем про эту странную телегу, – продолжил Саймон, – надо спросить о ней народ. Складывается странное ощущение, что герцогиня Трент покинула Айронвуд-Парк на телеге, запряженной ослами.

– До свидания, девочка, – сказал отец Сары хриплым голосом.

Он коротко и крепко обнял дочь, а затем отстранился на расстояние вытянутой руки, все еще удерживая ее за плечи.

– Будь умницей.

– Папа, а я всегда была умницей, – подмигнула она ему, улыбаясь.

Он улыбнулся в ответ, хотя его голубые глаза были затянуты облаком грусти.

– Да, это верно. – Старик отпустил дочь, отступая еще на шаг. – Я уверен, ты и дальше будешь умницей, приглядывая за леди Эзме.

– Конечно, буду! – пообещала она.

Сара наклонилась, чтобы поцеловать отца в щеку. Хоть он и не говорил об этом, но было видно, что он очень гордится новым статусом дочери. Садовник считал, что она это заслужила. Сначала доказав свою сообразительность за годы уроков с мисс Фарншоу, а затем служа с беззаветной преданностью семье Хокинз, которая, в свою очередь, заслужила их доверие. Старик верил, что Сара достойна своего нового положения компаньонки высоко-родной леди.

А вот саму Сару терзали сомнения. Она не была так уверена в успехе этой затеи. Да, она могла легко поддерживать приятный разговор с леди Эзме. Она разбиралась в моде и могла посоветовать юной леди, что лучше надеть на бал или званый ужин. Мисс Фарншоу обучила ее всем тонкостям этикета.

Но Сара все еще сомневалась, что ей удастся провести других дам из высшего общества. Эти изысканные леди, несомненно, сразу разоблачат ее притворство и поймут, что она не имеет права быть компаньонкой сестры герцога.

Она глубоко вздохнула и постаралась избавиться от этих мыслей, отправив их в самый дальний угол своего сознания, где хранились все сомнения. Она справится. Сара сделает это, ведь отец уверен в том, что она достойна оказанной чести. Она сделает это потому, что Саймон верит в нее, а Эзме радостно заявила, что это лучшая идея ее брата. Сара сделает это для семьи Хокинз и еще ради собственного эгоистичного желания поболтать пальчиками ног в шелковистых водах жизни высшего общества.

И самое главное, она сделает это, чтобы быть рядом с Саймоном.

Сара еще раз обняла отца, так же быстро, коротко и крепко, как он ее, и поспешила к одному из двух приготовленных экипажей, в котором Роберт Джонстон уже сидел на месте кучера. Она открыла дверцу и поставила ногу на подножку, когда услышала громкий окрик «Сара!». Она остановилась и посмотрела в сторону второй кареты.

Там стоял Саймон, и брови его были нахмурены. Он оглянулся вокруг на суетящихся слуг и несколькими длинными шагами преодолел расстояние от одной кареты до другой. Он наклонился к Саре и сказал тихо, чтобы никто другой его не услышал:

– Ты поедешь в одной карете с нами.

Румянец мгновенно вспыхнул на ее щеках при виде Саймона.

– Ох, – пробормотала она. – Конечно!

Сара по привычке предположила, что поедет с Эми, горничной леди Эзме. Но теперь она была компаньонкой. Конечно, Сара могла бы и сама догадаться, что компаньонка должна быть рядом с леди во время долгого путешествия в Лондон.

Она состроила Саймону гримасу, а он, усмехнувшись в ответ, пожал плечами и показал в сторону первой кареты:

– После вас, мисс Осборн.

Мисс Осборн. Он никогда не называл ее так раньше. Конечно, к компаньонке сестры он должен обращаться именно так. Она последовала за ним к первому экипажу и оперлась на его руку, залезая внутрь. Эзме уже сидела на переднем сиденье, обитом сиреневым бархатом,

и Сара устроилась рядом с ней. Саймон забрался внутрь следом и сел на противоположное сиденье.

Поприветствовав Эзме, Сара посмотрела в окно. Сэм и Тео уехали рано утром. Отъезд Саймона был отложен на более позднее время из-за необходимости упаковать весь багаж Эзме. Сейчас Марк и слуги собрались на лужайке перед домом, чтобы пожелать им счастливого пути. Чуть поодаль Сара увидела отца, сжимавшего в руках свою широкополую шляпу. Он поднял руку и помахал ей.

– Прощай, папа, – прошептала она.

Должно быть, Саймон подал сигнал, потому что карета тронулась с места. Сара ощутила рывок, и что-то щелкнуло внутри нее. Она почувствовала, как рвется ее связь с этим местом. Она была свободна. И пресловутые нити, связывавшие ее с родным домом, оборванные летели по ветру позади. Лошади шли бодрой рысью, унося ее прочь.

Сара любила своего отца, и ей совсем не хотелось оставлять его одного. Однако такова жизнь. Он остался стоять в облаке пыли от удаляющейся кареты, а она отправлялась исследовать новый мир, охваченная радостным волнением, поднимающимся из глубин ее души. И все же, когда Айронвуд-Парк скрылся за поворотом дороги, Сара тяжело вздохнула.

Саймон смотрел на нее понимающе.

– Мы ведь еще даже не доехали до деревни.

– Я знаю... Мы проедем через нее? – спросила Сара затаив дыхание. – Просто я уже не помню, что там за пределами парка.

– Правда? – Эзме смотрела на нее, округлив глаза.

– Когда мы с папой приехали сюда, мне было всего восемь лет, – объяснила Сара. – Помню, мне было очень грустно оставлять наш старый дом в Манчестере, в котором умерла мама.

Глубокая складка появилась на лбу Эзме. Она была из тех редких счастливых людей, которые никогда не теряли близких, поэтому всегда чувствительно реагировала на разговоры о смерти. Сейчас, учитывая, что мать Эзме исчезла, говорить о собственной матери в прошедшем времени было не слишком умно.

– Я дулась на отца всю дорогу из Манчестера, – продолжила Сара. – Меня пугало новое место, где я никого не знала, и я не представляла, как мы там будем жить.

– Думаю, тогда ты не предполагала, что окажешься в ежевичном кусте, – сказал Саймон.

В его улыбке промелькнуло нечто такое, от чего у Сары перехватило дыхание, и ей пришлось отвести взгляд, прежде чем ответить.

– Конечно, нет. В первые дни по приезде папа был очень занят, и я бегала везде одна.

Эзме нахмурилась.

– Ты гуляла и попала в ежевичный куст?

Эзме никогда не слышала эту историю.

– Я случайно упала в один из кустов, что растут у ручья, и застряла. Мне повезло, что его светлость обнаружил меня раньше, чем я получила глубокие раны, пытаюсь выбраться сама.

Однако на колене Сары остался маленький шрам, который каждое утро, когда она надевала чулки, напоминал ей о том дне.

– Тогда я привел ее к нам в дом, чтобы миссис Хоуп обработала ее раны своей чудо-мазью. И именно в тот день Сара познакомилась с нашей мамой.

– И мама сразу полюбила Сару, – закончила Эзме. Она знала, что так и было.

– Точно, – сказал Саймон.

Сара улыбнулась. Но эти воспоминания отозвались болью в ее душе, напомнив о том, что герцогиня бесследно исчезла. Она встретила глазами с Саймоном, и его лицо приняло серьезное выражение.

– Мне интересно, понравится ли тебе в Лондоне.

Сара почувствовала, как вздрогнула сидящая рядом Эзме. Она считала Лондон грязным и дурно пахнущим городом, но ее брат не разделял этого мнения.

Эзме все еще была очень застенчива в присутствии Саймона. Такая же проблема была с Люком и Сэмом. Но никто не мог оставаться застенчивым рядом с Марком, который мог уговорить даже самую скрытную черепаху выглянуть из своего панциря. Однако из всех своих братьев Эзме была наиболее близка с Тео, младшим из братьев; их роднил схожий темперамент: оба все держали в себе и предпочитали научные достижения социальным.

Эзме также не стеснялась Сары. Поэтому Сара очень хорошо знала, что юная леди думает о Лондоне. Но если Эзме хотела скрыть свое отвращение к этому городу от своего брата, Сара не могла обмануть ее доверие и рассказать об этом.

– Я верю, что Лондон мне понравится, – сказала она Саймону.

Если бы Саймон спросил ее сейчас, почему она так думает, она не смогла бы ответить. Сара просто верила, и все. Лондон должен был сделать нечто действительно ужасное, чтобы поколебать эту веру.

И как может ей не понравиться город, в котором жил Саймон?

Следующую часть пути Саймон и Сара проделали в полной тишине. Эзме пыталась читать, но от движения кареты ее укачивало. Когда она, наконец, уснула, ее щека покоилась на шелковой подушечке сиденья кареты.

Сара обладала безграничным любопытством ребенка. Она впервые открывала для себя новую часть мира, и Саймон не мог оторвать от нее глаз. Она рассматривала каждое строение, которое они проезжали, и любое, самое незначительное изменение ландшафта вызывало ее интерес.

Она так сильно отличалась от пресных и циничных людей, составлявших круг общения Саймона. В основном это были мужчины, которые в силу своих положения и должности думали почти исключительно о политике. Все их мысли занимал тот факт, что Америка вот-вот объявит войну Британии. Или что Веллингтон вел боевые действия где-то на полуострове в глубине Испании. Мужчины, которых больше не радовали ранние нарциссы, поднимающие свои головки из травы. Мужчины, такие же, как он сам.

Восторг, который вызывал у Сары окружающий мир, напомнил Саймону о простых человеческих радостях. О мелочах, которые стоят того, чтобы любоваться ими. И Саймон непременно тоже замечал бы их, если бы не был так поглощен Сарой. Ему нравилось следить за ее восторженным взглядом на пастбища, луга и холмы Котсуолдса.

– Какая бескрайняя зелень! – пробормотала Сара, не глядя на него, тихо, чтобы не разбудить Эзме. – Есть все оттенки, от желтого до синего.

Саймон глянул в окно.

– Да, – просто сказал он.

Действительно, все пейзажи между Айронвуд-Парком и Лондоном были типично английскими и приятными для созерцания.

Кареты выехали на высокий каменный мост у городка Берфорд.

– А что это за река? – спросила Сара.

Она сегодня задавала очень много вопросов, и Саймон не всегда находил на них ответы. Но на этот ответить он мог.

– Эта река называется Уиндраш. Приток Темзы.

Когда они проезжали через городок, Сара молчала, разглядывая достопримечательности, церкви и другие строения из песчаника. Для Саймона Берфорд был лишь одним из мно-

гих населенных пунктов на пути в Лондон. Единственной его особенностью было то, что он находился совсем рядом с Оксфордом, где можно переночевать.

Но для Сары этот городок был новым и удивительным. Ее большие выразительные голубые глаза, казалось, впитывали каждую мелочь. Ее губы приоткрылись, и она рассеянно накручивала темный локон на палец. А движения лифа выдавали ее возбужденное дыхание.

Кончик ее языка пробежал по розовым пухлым губам. О боже, Саймон так хотел попробовать, по-прежнему ли они такие сладкие, как он помнил.

Сара лишь взглянула на него и тут же отвернулась обратно к окну. Ее щеки залил легкий румянец.

Это было так мило!

Внутри Саймона что-то сжалось. В течение нескольких лет он думал о Саре как о прелестной милой девушке, но как-то отстраненно. Она нравилась ему, но нравилась, как красивая картина или даже как симпатичная сестренка.

Но сейчас его симпатия была совсем другой. Она заставляла твердеть его плоть. И если Сара вдруг заметит эту твердость, получится чертовски неудобно. А если заметит сестра... Саймон очень надеялся, что Эзме действительно спит.

Саймон оторвал взгляд от Сары и уставился в потолок кареты, желая, чтобы его пыл поскорее остыл.

Глава 4

Что-то было не так. Саймон замкнулся в себе. Это началось еще днем и продолжилось вечером, когда они поселились в отеле «Энджелиинн» в Оксфорде.

Возможно, Сара слишком бурно выражала свой восторг, когда они проезжали типично английскую сельскую местность.

Или... Может быть, Саймон так переживал по поводу матери.

Пока они ели роскошный ужин, приготовленный специально для них и сервированный в отдельной комнате, Сара, не желая расстраивать Эзме, пыталась скрыть терзавшие ее сомнения.

Она рассеянно ковыряла в пюре из репы и свином жарком на своей тарелке, пока Эзме не посмотрела на нее с подозрением, а Саймон спросил низким голосом:

– Еда вам не по вкусу, мисс Осборн?

Сара вскинула голову и посмотрела на повара и миссис Стин, хозяйку отеля, которые, как только герцог Трент и его спутницы сели за стол, суетились вокруг и прислуживали. Они оба побледнели, услышав вопрос герцога, и уставились на Сару с ужасом, ожидая ответа.

– О нет! Это вкусно!

Чтобы проиллюстрировать это, она взяла большой кусок свинины, уже совсем остывший, полила соусом и принялась жевать, стараясь не подавиться. Даже не поморщившись, проглотив мясо, Сара произнесла в оправдание:

– Я просто переживаю.

– Да. Я вижу, – сказал Саймон.

Он уже объяснил леди, что хотел бы сохранить в тайне исчезновение герцогини как можно дольше, поэтому Сара понимала, что о ней упоминать при людях нельзя.

Саймон не верил, что они смогут хранить этот секрет слишком долго. Ему придется предпринимать определенные действия для поиска матери в Лондоне, а его братьям – по всей Англии. Достаточно скоро поползут слухи. Но Саймон надеялся получить какую-либо ценную информацию прежде.

Сара посмотрела ему прямо в глаза и сказала:

– Я хочу вам помочь.

Он чуть улыбнулся, посмотрел на Эзме, потом опять на нее.

– Вы уже помогаете.

– Да, но... – Она вздохнула. – Я надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду, ваша светлость.

– Я тоже надеюсь, что понимаю вас.

Сара взглянула на Эзме. Бедная девушка почти не разговаривала весь день и, несмотря на то что поспала днем в карете, выглядела совершенно измученной, с темными кругами вокруг глаз. У Сары на душе стало тревожно.

– Вы в порядке, моя леди?

Эзме небрежно кивнула.

– Да, только немного устала.

Сара взглянула на свою тарелку. Еда была холодной, и она не хотела больше есть. Однако заметив взгляды повара и миссис Стин, поджала губы, не желая их обидеть отказом от следующего блюда.

Эзме уже зевала, прикрывая рот. Тогда Сара посмотрела на Саймона, и он кивнул ей, как бы говоря: «Идите. Я успокою их».

Сара встала, и тут же Саймон тоже поднялся из-за стола. Она несколько секунд удивленно смотрела на него, не понимая, что происходит, и лишь потом опомнилась: герцог не встает за слугой, даже если это женщина.

Она поморгала, стяхивая оцепенение. Интересно, привыкнет она когда-нибудь к своему новому статусу?

Сара протянула руку Эзме:

– Пойдемте наверх, миледи. У нас завтра еще трудный и длинный день.

Эзме взяла ее за руку с благодарностью, и Сара помогла ей подняться. Наверху Сара и Эми помогли юной леди раздеться и вымыться. И когда леди была одета в ночную рубашку и всюю зевала, Сара выпроводила Эми, проводила Эзме до кровати и, уложив, аккуратно подоткнула одеяло.

– Спасибо, Сара. Я сожалею, что я так... – Эзме замолчала.

Сара положила руку на лоб леди. Жара не было.

– Вы уверены, что здоровы?

Эзме вздохнула.

– Да. Это не болезнь. Просто... Мама. Трент. Лондон. Наверное, это все сразу слишком много для меня. Особенно мама...

– Я понимаю, – попыталась успокоить ее Сара. – Но я уверена, что ваш брат найдет ее.

Карие глаза Эзме наполнились слезами.

– Да, ты права. Но что, если она уже...

– Тише. Тише, – уговаривала ее Сара. – Не нужно думать об этом. Мы должны продолжать верить, что ваша мать жива. Пока еще никто не доказал обратного.

– Ты действительно в это веришь?

– Да. Я верю, – сказала Сара твердо. – А сейчас пора спать, миледи. Вам надо отдохнуть.

– Мне плохо без мамы.

– Я понимаю. Но сейчас вам нужно проводить больше времени с братом. Может быть, вы наконец привыкнете и сможете чувствовать себя комфортно в его присутствии.

Сара никогда не ощущала неловкости в присутствии Саймона, и было как-то странно думать, что он может пугать собственную сестру. Но именно так и было.

– Может быть, – проронила Эзме с сомнением.

Сара нежно похлопала ее по плечу и поднялась с края кровати.

– Спокойной ночи, миледи.

– А ты тоже пойдешь сейчас спать?

Сара покосилась на дверь в соседнюю комнату. Это был просто крохотный чуланчик с маленьким окошком. Ей он напоминал курятник, и казалось, что комфортно устроиться там можно, только уподобившись курице на насесте.

– Нет. Я еще схожу посмотрю, как там Эми, Роберт и Нэд. Проверю, как их разместили.

– Хорошо, – пробормотала Эзме.

– Приятных снов, – пожелала ей Сара, прежде чем выйти через дверь, ведущую в коридор второго этажа.

Отель «Энджелинн» был небольшим, и Саймон снял весь этаж. Сара постучала в дверь, за которой разместили Роберта Джонстона и Нэда, нового кучера, который специально приехал на поезде из Лондона, чтобы отвезти их. Но за дверью никто не ответил на стук. В комнате Эми тоже никто не ответил, и Сара поняла, что, вероятно, все ушли вниз на ужин. Она уже направилась к узкой лестнице, ведущей на кухню, когда увидела Саймона, поднимавшегося ей навстречу, и остановилась наверху, чтобы пропустить его. Саймон поднимался погруженный в собственные мысли и заметил Сару, только поравнявшись с ней.

– Сара, что ты здесь делаешь? – Он посмотрел мимо нее, чтобы убедиться, что в коридоре больше никого нет.

Саймон хмурился, и Саре очень захотелось своими пальцами разгладить его морщинки. Растирать их до тех пор, пока лоб не станет гладким и улыбка не коснется его губ.

– Леди Эзме только что отправилась спать, но я не устала. Поэтому хотела спуститься вниз, чтобы проверить, как там... все остальные...

Она не смогла сказать «слуги». Хотя для Саймона это было нормально. Сара не хотела как-то отделять себя от слуг, ведь, по сути, была одной из них.

Он смотрел на нее долго и внимательно, затем кивнул:

– Я вижу.

Сара ответила хмурым взглядом. Рядом не было никого, поэтому она могла быть откровенной с ним.

– Почему вы так смотрите на меня, ваша светлость?

– Я... – Саймон покачал головой. – Нет. Ничего. Если честно, мне не по себе, когда ты ходишь одна.

– Но я не собиралась никуда выходить, – сказала она. – Только хотела спуститься вниз, проверить, как устроились Эми, Роберт и Нэд и не нужно ли им чего.

– Ты всегда так обо всех заботишься?

По его тону Сара не смогла понять, одобряет он ее или осуждает, поэтому просто пожала плечами.

Вдруг Саймон прижал руку ко лбу, выдохнул. Поддавшись импульсу, она тоже протянула руку и коснулась его руки. Герцог одарил ее странным взглядом.

– Извините, – прошептала Сара, убирая руку. – Вы сегодня весь день точно сам не свой. Я знаю, вы переживаете из-за герцогини. Скажите, я могу вам чем-нибудь помочь?

– Это не только из-за матери, – ответил Саймон, вздыхая. – Да, она взбалмошная и капризная, но при этом может сама о себе позаботиться. А вот мои братья и сестра уже решили, что с ней случилось нечто невообразимое, в чем я сомневаюсь, и изводят себя по этому поводу. Я придерживаюсь версии, что она отправилась на праздник к кому-то из родственников и забыла предупредить нас. Ты ведь знаешь, она на такое способна, – добавил он, и его взгляд потемнел.

– Да, я знаю.

Действительно, иногда казалось, что герцогиня вообще забывала о том, что у нее есть дети. Конечно, она их очень любила, но сейчас, когда они выросли и стали самостоятельными, большей частью она полностью погрузилась в собственные дела. И далеко не всегда сообщала семье о том, что делала и куда ездила.

– Так что ты понимаешь, почему я не особо беспокоюсь за нее.

– И все же вы намерены искать ее?

– Да, конечно. Ради того, чтобы мои родные перестали беспокоиться и чтобы объяснить ей, как неприемлемо и безответственно подвергать своих близких таким волнениям. – Саймон сжал губы. – К сожалению, скорее всего, мы не успеем ее найти до того, как мельница слухов и сплетен начнет перемалывать эту историю, добавляя к ней массу небылиц.

– Ах, – вздохнула Сара, – так вот почему вы так расстроены.

Он пожал плечами.

– Подумаешь, еще одно пятно на имени нашей семьи. Благодаря маме и Люку их уже и так достаточно. Я вообще удивляюсь, что мы не единственные фигуранты скандальной хроники.

– Все эти пятна вы полностью смываете работой, которую делаете каждый день, – сказала она с уверенностью.

Саймон невесело усмехнулся в ответ.

– Спасибо. Хотя сделать предстоит еще очень многое.

Улыбка исчезла, и он просто смотрел на лицо Сары своими потемневшими зелеными глазами. После долгой паузы Саймон пробормотал:

– Я провожу тебя в твою комнату.

Но он не сдвинулся с места, и она тоже.

Его глаза сузились, в них пылал пожар, и он смотрел на нее изучающе, а она любовалась его красивым лицом. По ее коже пробежали мурашки. Его глаза были полны... обещания. Инстинктивно она облизнула губы, и его взгляд переместился на них.

И тогда Саймон наклонился вперед и поцеловал ее.

Саймон помнил вкус Сары – свежий и сладкий. Ее губы были теплыми, мягкими и сухими. С них сорвалось удивленное «Ох!», и ее дыхание ласково коснулось его губ. Издав глухой стон, Саймон обнял стройное женское тело и притянул к себе. Его плоть кричала от желания.

Да! Он хотел ее! Хотел Сару! Желал свою подругу детства! Вожделел компаньонку своей сестры! Дочь садовника!

подавив стон, Саймон закрыл глаза; руки Сары обхватили его спину. Это должно было произойти. Конечно, он был глуп, когда думал, что сможет сохранить холодный рассудок рядом с ней.

Саймон прижал Сару крепче, и ее податливое мягкое тело буквально слилось с ним. Он провел рукой по мягкой ткани на ее округлых бедрах, и его губы впелись в нее. Он жаждал еще больше этой сладости, желал овладеть ею.

И тут он услышал голоса. Тихий шепот прозвучал как пощечина, вернувшая его в реальный мир. Саймон оторвался от Сары, сразу утратив то восхитительное ощущение слияния, которое только что сводило его с ума.

Сара глядела на него, моргая своими большими голубыми глазами. Ее щеки покраснели, а губы были влажными от поцелуя.

Острое чувство вины холодным душем смыло его вожделение. Он отвел глаза. Вот проклятье!

– Мне не следовало этого делать, – произнес Саймон сквозь зубы.

Она ответила не сразу. Голоса слышались все громче. Вверх по лестнице шли люди.

– Мне понравилось, – наконец прошептала Сара и улыбнулась.

Часть его, очень-очень большая часть, хотела принять эту улыбку, погрузиться в нее и греться в ее тепле, позволяя ей сжечь чувство вины. Очень большая его часть хотела от нее большего. Гораздо большего.

Но Саймон отказывался быть человеком, который воспользовался невинной молодой служанкой. Подобные бесчинства он считал допустимыми были исключительно с женщиной, равной ему по положению.

Голоса слышались все ближе. Саймон узнал голос Джонстона, кучера. Почему он идет сюда? Через мгновение Саймон вспомнил, что снял весь этот этаж – апартаменты для себя и сестры с Сарой и небольшие комнаты для слуг. Члены его семьи часто посещали этот отель во время поездок в Лондон и обратно, и хозяйка из кожи вон лезла, чтобы все было идеально для господ из рода Хокинз. Сегодняшний день не был исключением.

У Саймона оставалось мало времени.

– Послушай меня, Сара. Это было ошибкой!

Сара продолжала смотреть на него, и становилось ясно, что она ему не верит. Не может такой прекрасный, милый и невинный цветок, каким являлась она, завянуть для него в одно мгновение и не вызывать желания. Нет, не может.

– Этого больше не повторится, – сказал он тихо и сделал шаг назад. Слуги были уже совсем близко, с поклонами, реверансами и «вашей светлостью». Саймон вежливо приветствовал их и пожелал всем хорошего вечера.

Затем он заперся в своей комнате, быстро разделся, лег на холодные простыни и уставился в потолок.

Ему было двадцать девять лет – достаточно взрослый, чтобы не обманывать себя. Отношения между ним и Сарой не представлялись возможными по ряду причин, и было слишком тяжело вновь перечислять их все. Он принадлежал к высшему английскому обществу. В их среде порой допускались различные пороки и разврат, но Саймон знал слишком хорошо, что в итоге происходило, когда мужчины, ему подобные, связывались с женщинами, такими как Сара. Если он все же доведет отношения с ней до постели, ничего хорошего их не ждет.

Хотя чем дольше Саймон находился рядом с Сарой, тем сильнее ему этого хотелось. Ее сладость, которую он только что вкусил в коридоре, совсем не утолила его жажду. Наоборот, тяга к ней только усилилась.

Он должен был жениться, родить наследника и еще кучу детишек – вот каково его предназначение. Но пока герцог не оправдывал ожиданий, откладывая все это из года в год. Пока другие вопросы казались для него важнее охоты за подходящей герцогиней. К тому же целый год, после того как он впервые поцеловал Сару, Саймон не мог даже смотреть на других женщин.

Но сейчас ему было уже двадцать девять лет, и его практичный и ответственный характер вновь и вновь напоминал об обязанностях и титуле.

Несколько месяцев назад Саймон принял решение, что все должно случиться в этом году. В грядущем сезоне он планировал посетить множество балов, приемов, музыкальных представлений и званых ужинов, на которые его неизменно приглашали. И где-нибудь на очередных лондонских смотринах дебютанток он рассчитывал найти женщину, которая могла бы стать его невестой.

Дьявол нашептывал ему, что при желании он мог бы иметь все сразу – и предаваться страсти с Сарой, и искать себе подходящую герцогиню. Но от таких мыслей у него сводило желудок, и он признавал их недопустимость.

Однако дьявол не сдавался, продолжая рисовать перед Саймоном сюжеты, один соблазнительнее другого, и заткнуть его он мог, лишь провалившись в неприятный, беспокойный сон.

Губы Сары все еще дрожали – чувство ей не знакомое, но очень приятное. Она гадала, сколько может продлиться это ощущение. Если облизнуть губы или полить на них водой, оно исчезнет? Или для этого просто нужно какое-то время?

Стоя как в тумане, Сара смотрела, как Саймон прошел в свою комнату, плотно прикрыв за собой дверь. Оторвав взгляд от его апартаментов, она увидела, что Эми и Нэд уже направлялись к себе. Но Роберт Джонстон продолжал стоять рядом, внимательно наблюдая за ней.

Она попыталась скрыть свое смущение под дружелюбностью, как под плащом.

– Добрый вечер, Роберт, – сказала Сара. – Я надеюсь, вы довольны ужином.

– Более чем, – ответил он, наклонившись в ее сторону. – Могу я проводить вас до комнаты?

Сара взглянула на свою дверь. До нее было не более десяти футов.

– Конечно.

Роберт протянул ей свою руку, и после некоторого колебания она оперлась на нее. Всю эту короткую дистанцию они прошли молча. Он остановился перед дверью, и Сара забрала свою руку.

– Спасибо.

– Спокойной ночи, Сара.

– Роберт?

– Да. – Он повернулся к ней и выжидающе поднял брови.

– Раньше я заходила к вам реже, чем следовало бы, – одно из заданий, которое дала Саре миссис Хоуп, было следить, чтобы все слуги ни в чем не нуждались. – Я надеюсь, вам хорошо жилось в Айронвуд-Парке.

– Да. Вполне, – ответил Роберт.

– Вы уже бывали в Лондоне раньше, как я слышала.

Он кивнул.

– Я провел там некоторое время, работая у предыдущего хозяина.

– И как? Вам там понравилось?

Его улыбка потеплела. Когда Джонстон улыбался, его карие глаза начинали сверкать, что делало кучера вполне привлекательным мужчиной.

– Мне нравится Лондон, – ответил он. – Но слишком уж там многолюдно. Я бы предпочел раздолье Айронвуд-Парка.

– Я вас понимаю, – сказала Сара.

Ее губы по-прежнему предательски дрожали, напоминая о Саймоне, о поцелуе, который он подарил ей не более пяти минут назад. Она подняла руку и прикрыла пальцами рот. Но от этих мыслей тепло вновь разлилось по ее щекам.

– Ну, тогда спокойной ночи, Роберт. Хороших снов.

– И вам тоже, Сара.

Сара проскользнула в свою маленькую комнатку и осторожно закрыла дверь. Затем прислонилась к ней и позволила тоскливому вздоху вырваться наружу.

Саймон поцеловал ее... снова.

Лондон оказался ужасно грязным, тесным и дурно пахнущим, как о нем и говорили. Но все это не волновало Сару. Ее нос был приклеен к окну, пока они проезжали центральную часть города. Наконец они прибыли в дом Саймона в Сент-Джеймсе.

Вчера Сара и Эзме ходили в церковь. После они отправились на прогулку в Гайд-парк, прямо с Библиями в руках. Они гуляли не спеша, радуясь весеннему воздуху. Эзме неловко поприветствовала нескольких знакомых, встреченных по пути.

Сегодня был их второй полноценный день в городе. Сара проснулась в своей маленькой спальне, оттого что солнечный свет, пробравшись сквозь занавески, залил золотым потоком комнату. Она встала, заправила постель, накрыв ее очень красивым покрывалом желтого шелка, умылась и заплела волосы, прежде чем уложить их под шляпку. Сара предусмотрительно выбрала платье из практичного муслина, затем отдернула тяжелые занавеси и выглянула в окно. Улыбаясь, она смотрела на конюшню, полную слуг, выводивших на аллею лошадей, готовя их к ежедневным трудам.

Эзме запланировала поход по магазинам. В радостном ожидании Сара спустилась по лестнице к завтраку.

Саймон сидел в столовой с газетой в руках. При появлении Сары он поднялся, скрипнув стулом по полу. Она махнула ему рукой, стараясь игнорировать дрожь, проходившую через ее тело в его присутствии.

– Пожалуйста, садитесь, ваша светлость. Нет необходимости для соблюдения таких формальностей.

Он неодобрительно нахмурился.

– Вы ошибаетесь. Есть.

Саймон упрямо продолжал стоять, пока Сара выбирала себе в буфете тосты, копченую рыбу и яйцо. Он сел только после того, как она опустилась в кресло за столом и начала есть яйцо. Саймон, очевидно, следил за тем, чтобы еда была свежей и горячей. Не зная, когда Сара и Эзме спустятся к завтраку, он, вероятно, поручил лакеям менять блюда каждые десять минут.

Он наблюдал за ней с легкой улыбкой на лице.

– Итак, что вы думаете о моем доме, так называемом Трент-Хаусе, мисс Осборн?

Губы Сары чуть скривились, когда она услышала обращенное к ней «мисс Осборн». Она, наверное, никогда не привыкнет к такому обращению.

– Он просто великолепен, – ответила она. У нее складывалось впечатление, что дом герцога Трента представляет собой уменьшенную, но не менее великолепную копию Айронвуд-Парка. – На нем есть печать семьи Хокинз.

– Да, это верно, – сказал Саймон. – Вы знаете, что оба дома были построены моим дедом?

Сара знала, но не ответила, потому что в этот момент в комнату, зевая, вошла Эзме.

– Ой, – пробормотала она, прикрывая рот рукой, – прошу прощения.

– Я не ожидала вас так рано, миледи, – сказала Сара.

Действительно, Эзме нередко могла проспать до полудня.

– Я знаю, – ответила леди, взглянув на брата, который поднялся из своего кресла в очередной раз.

Она не стала ничего есть, но села за стол и, взяв кофейник, щедро плеснула себе в чашку горячего кофе.

– Это моя вина. – Саймон отложил газету в сторону. – Я велел горничной разбудить тебя, потому что сегодня нас ждет трудный день. Новость о нашем прибытии в Лондон уже успела распространиться. Мы получили приглашение на бал в среду.

Сара и Эзме уставились на него. Среда была уже послезавтра.

– Я уже принял решение, – продолжил Саймон. – В этом году я посещал все балы, на которые был приглашен. И не хочу вызывать подозрения, проигнорировав один из них. Нам нужно поддерживать видимость того, что ничего необычного не произошло, как можно дольше. Когда правда об исчезновении матери раскроется, возможно, все будет по-другому, но пока я хотел бы соблюсти внешние приличия.

Сара и Эзме не проронили ни слова. Как они и ожидали, их бесцеремонно бросали прямо в эпицентр лондонского высшего общества, даже не дав времени на подготовку.

– Поэтому, – продолжил герцог, – вы, мисс Осборн, сейчас отправитесь к портнихе и прикажете ей подготовить ваше бальное платье. Несомненно, ей придется очень поспешить и постараться, но все должно быть готово к среде.

Сара опустила глаза на свое простое белое платье, скромно украшенное только оборками на декольте и подоле. Оно было такого же фасона, как и другие два платья, которые она привезла с собой.

Конечно, ей следовало учесть тот факт, что для посещения вместе с Эзме подобных мероприятий ей потребуется соответствующая одежда. Но из-за всех тревожных последних времени Сара совершенно забыла об этом.

Саймон посмотрел на сестру.

– Эзме, тебе тоже понадобятся новые платья. Все, что у тебя сохранилось с прошлого года, теперь уже вышло из моды.

– Слушаюсь, герцог Трент, – хмуро ответила Эзме, не поднимая глаз и делая большие глотки кофе, точно желая укрепить свои силы.

Герцог продолжал пристально смотреть на сестру.

– Ни одна из вас не должна ограничиваться в расходах. Я хочу, чтобы после срочного заказа платьев на ближайший бал ты, Эзме, помогла Саре подобрать соответствующий гардероб. А также ты должна купить себе все, что требуется. Сестре герцога Трента и ее спутнице не следует появляться в свете в старых лохмотьях.

Сара нахмурилась. Ее платья были уже не новыми, но чистыми и опрятными. И называть их лохмотьями было явным преувеличением. Она бы сказала Саймону об этом прямо, если бы не лакей, постоянно ходивший туда-сюда, чтобы сменить блюда в буфете.

Вместо этого она бросила на Саймона красноречивый взгляд, давая понять, что, если бы сейчас они сидели на скамейке в Айронвуд-Парке, ему пришлось бы немедленно извиниться за свою грубость. Но он не извинился. Просто ответил ей холодным взглядом, не проронив больше ни слова.

Что-то сжалось в ее груди. Получается, Саймон смотрел на нее, как на шлюху, одетую в лохмотья? Ах так! Что ж, потрясающе.

Сара вернулась к недоеденной рыбе, пытаясь потушить вспыхнувший в душе пожар. Саймон знал, что она не имела достаточно средств, чтобы заказывать модные платья у дорогих лондонских портных. А это значит, что он собирался платить за них сам.

Настоящая леди не должна принимать дорогие подарки от джентльмена. Мисс Фарншоу вбила это правило ей в голову так же крепко, как последовательность шагов в кадрили.

Но Сара пока еще не была настоящей леди. И Саймон не оставлял ей выбора. Кроме того, она совсем не хотела опозорить Эзме, появившись в кругу изысканных дам в неподобающем наряде.

Сара вспомнила причину, по которой леди не должны принимать подарков от джентльменов. Причина заключалась в том, что джентльмены в ответ ждут от леди нечто большее, нечто неблагопристойное.

Она посмотрела на Саймона, который снова взял газету. Нет, он решил купить ей новые бальные платья не потому, что хотел от нее чего-то достойного порицания. Если он и хотел этого, то боролся со своим желанием. Он ни разу не напомнил ей о поцелуе в отеле «Энджеллин». Но всякий раз, когда они оказывались рядом, Сара чувствовала в его взгляде тепло, от которого ее кожу начинало покалывать.

Сара никогда особенно не переживала по поводу своей репутации. Во время ее тихой уединенной жизни в Айронвуд-Парке эта тема вообще не была актуальна. Хотя мисс Фарншоу постоянно твердила о том, что для леди репутация очень важна. Без реноме невозможно найти достойного мужа. Без него женщина всеми презираема.

Сара никогда не задумывалась о поисках достойного мужа. Для нее ни один мужчина во всем мире не мог сравниться с герцогом Трентом. И она не собиралась выходить замуж за какого-нибудь бедного юношу и делать его жизнь несчастной, постоянно сравнивая его с Саймоном.

Кроме того, в Айронвуд-Парке никто никогда не посмел бы презирать или унижать Сару. Семья герцога этого бы не позволила. Однако она понимала, что здесь, в Лондоне, защитить ее будет не так просто.

Поэтому Сара не станет перечить Саймону. Она готова выкинуть свои «лохмотья» и отправиться по магазинам для приобретения подходящего гардероба, чтобы потом гордо стоять рядом с Эзме в качестве компаньонки.

А что касается «подарка» от герцога Трента, что же, она его примет. Он никогда не потребует от нее вознаграждения за платье, особенно плотского характера. Честь, совесть, порядочность – все эти черты были неотъемлемой частью нрава Саймона.

Темный и мрачный пузырь меланхолии и злости лопнул. Нет! Реакция Сары была совершенно неправильной! Она должна испытывать облегчение, счастье, безопасность и чистоту. Именно так чувствуют себя истинные леди.

А еще, как говорила им мисс Фарншоу, истинная леди от рождения должна обладать такими качествами, как скромность, чистота и добродетель. Та чувственность, то покалывание и страстное желание, которое Сара испытывала к Саймону сейчас и на протяжении трех последних долгих лет, совсем не вписывались в эту картину. Она знала, как это называется. Похоть.

Еще одно доказательство того, что все это фарс. Сара может говорить и одеваться как леди. Но в глубине души она ей не была. И кроме того, Сара сомневалась, что хотела бы ею быть.

Глава 5

В среду вечером, после тихого раннего ужина в Трент-Хаусе царил оживление. Дамы готовились к балу, который давала леди Беллингхем. Помимо Сары и Эми, наверх в гардеробную Эзме пришли еще две служанки.

У Сары сейчас все было абсолютно новое, от чулок и туфель до шпилек в волосах и косметики. Это результат длинного и нелегкого дня, проведенного у модисток. Стоя в своей новой сорочке, Сара разглядывала кучу заколок и блестящих лент. Прекрасную шляпку из жемчужного шелка, которая крепилась к волосам. Розовые туфельки, сверкающие в свете ламп. Шуршащую нижнюю юбку. И конечно, платье! Оно имело прекрасную кружевную пелерину поверх жемчужного шелка и китайские пуговицы. Это было так элегантно! Это платье оказалось самым изысканным и утонченным из всех, что она когда-либо носила. Сара погладила пальцами гладкую, дорогую и красивую ткань.

– Я очень довольна! – воскликнула Эзме. – Мадам Буллард просто волшебница! Знаешь, это ведь у нее в прошлом году мы заказывали платье, в котором я была при дворе.

– Неудивительно. – Сара посмотрела на платье Эзме. Белый атлас с легкой розовой пелериной поверх, отделанной черным бархатом. Атласные туфельки, белые лайковые перчатки и розовая атласная шляпка с венком из свежих роз довершали образ. – Все такое красивое, миледи!

– О да!

Когда Сара повернулась к Эзме, та смотрела на нее сияющими глазами. Затем шагнула вперед и обняла Сару.

Пораженная, Сара чуть не отшатнулась от леди, но вовремя опомнилась и обняла ее в ответ.

– Сара, ты для меня как старшая сестра. И всегда ею была. Я так рада возможности поделиться всем этим с тобой.

Сара улыбнулась, и на ее глазах выступили слезы.

– Спасибо, – прошептала она. – Я никогда не забуду этого.

Отпустив ее, Эзме сделала шаг назад.

– Не думай, что все это временно. Ты сможешь оставаться моей компаньонкой столько, сколько захочешь.

– Я бы с радостью, – улыбнулась Сара, понимая, что так не будет. – Но вы скоро выйдете замуж, а я вернусь к прежней работе под предводительством миссис Хоуп.

– Нет! – воскликнула Эзме. И увидев удивление на лице Сары, пояснила: – Во-первых, я не очень-то верю, что когда-либо выйду замуж.

– Но почему? – спросила Сара. – Вы всегда так говорите, но я не понимаю причины.

Эзме только пожала плечами.

– После сегодняшнего вечера ты сама все поймешь. Но даже если я когда-нибудь выйду замуж, ты должна будешь стать компаньонкой для другой юной леди. Ты не должна работать горничной. Ты слишком хороша, чтобы заниматься этим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.